

Владимир Крутин

ВРЕМЯ ГОРЯЩЕЙ СПИЧКИ

рассказы о церкви

ПРАВОСЛАВНАЯ
СЕРИЯ

Владимир Крупин

Время горячей спички (сборник)

«ЭКСМО»

2013

Крупин В. Н.

Время горящей спички (сборник) / В. Н. Крупин — «Эксмо», 2013

Знаменитый представитель «деревенской» прозы, Владимир Крупин одним из первых создал жанр, в котором успешно работает Архимандрит Тихон Шевкунов (автор бестселлера «Несвятые святые»). И совсем не случайно Крупин стал первым лауреатом Патриаршей литературной премии – высокой духовной награды. Уже четверть века талант Крупина служит спасению людей от засилья массовой культуры, и главное в этом – понимание краткости земной жизни и вечной жизни души. В книге собраны лучшие рассказы и повесть «Передай по цепи», главная мысль которой такова: Россия сейчас – центр христианского мира, Россию спасет вера, у России есть высокое предназначение: быть духовным центром современного человечества.

© Крупин В. Н., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Рассказы	5
Алешино место	5
Молитва матери	7
Меня не пустили в церковь	8
Братья староверы	9
Зимние ступени	11
Вася, отбрось костыли	15
Марусины платки	20
Первое слово	24
Объявление на столбах	25
Между землей и небесами	26
О, русская земля!	32
Змея и чаша	36
Пастух и пастушка	42
Простая душа	46
Мы не Ивановы, не помнящие родства	49
Про Настеньку и ее бабушку	53
Протянутая рука	54
Река Лобань	55
Анютик	56
Было дело под Полтавой	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Крупин

Время горячей спички (сборник)

Рассказы

Алешино место

В нашей церкви долгие годы прислуживал батюшке Алеша, одинокий и, как казалось, несчастный горбун. Ему на войне повредило позвоночник, его лечили, но не вылечили. Так он и остался согнутым. Еще и одного глаза у него не было. Ходил он круглый год в валенках, жил один недалеко от церкви, в боковушке, то есть в пристройке с отдельным входом.

Он знал наизусть все церковные службы: литургию, отпевание, венчание, крещение, был незаменим при водоосвящении, всегда точно и вовремя подавал кадило, кропило, выносил свечу, нес перед батюшкой чашу с освященной водой – одним словом, был незаменим. Питался он раз в сутки, вместе с певчими в церковной сторожке. Казалось, что он был нелюдим, но я свидетель тому, как при крещении деточек озарялось радостью его лицо, как он улыбался венчающимся и как внимательно и серьезно смотрел на отпеваемых.

Я еще помнил то время, когда Алеша ходил бодро, выдвигая вперед правое плечо, и казалось, что всегда неутомим и бодр, будет служить, но нет, во всем Господь положил предел. Он милостив к нам и дает отдохновение: Алеша заболел, совсем занемог, даже ходить ему стало трудно, не то что служить, и он поневоле перестал помогать батюшке.

Никакой пенсии Алеша не получал, даже и не пытался оформить ее. Деньги ему были совсем не нужны. Он не пил, не курил, носил одну и ту же одежду и растоптанную обувь. Никакие отделы социального обеспечения о нем и не вспомнили. А вот военкомат не забыл. К праздникам и к Дню Победы в храм приходили открытки, в которых Алешу поздравляли и напоминали, что ему надо явиться за получением наград. Присылали талоны на льготы на все виды транспорта. Но Алеша никуда не ходил и ничем не пользовался. Кто его видел впервые, дивился на его странную, нарушающую, казалось, порядок фигуру, но мы, кто знал его давно, любили Алешу, жалели, пытались заговорить с ним. Он отмалчивался, благодарил за деньги, которые ему давали, и отходил. А деньги, не вникая в их количество, тут же опускал в церковную кружку.

Мы видели, как тяжело он переживал свою немощь. С утра с помощью двух костылей притаскивал себя в храм, тяжело переступал через порог, хромал к скамье в правом притворе и садился на нее. Место его было напротив Распятая. Алеша сидел во время чтения часов, литургии, крещения, венчания и отпевания, если они бывали в тот день, а потом уже уползал домой. Певчие жалели его и просили батюшку, чтобы Алеша обедал с ними. Конечно, батюшка разрешил. Да и много ли Алеша ел: две-три ложки супа, полкотлеты, стакан компоту, а в постный день обходился овсяной кашей и кусочком хлеба. Иногда немного жареной рыбки, вот и все.

Во время службы Алеша шептал вслед за певчими, дьяконом и батюшкой слова литургии, вставал, когда выносили Евангелие, причастную чашу, когда поминали живых и усопших. Стоя на службе, я иногда взглядывал на Алешу. Его, будто траву ветром, качало словами распева молитв: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия», Заповедей Блаженств, «Херувимской», и, конечно, он вместе со всеми, держась за стену, вставал и пел «Символ веры» и «Отче наш». Я невольно видел, как он страдал, что не может встать на колени при выносе чаши со Святыми Дарами, при начале причащения.

Когда кончалась служба, батюшка подходил после всех к Алеше и благословлял его крестом.

А еще у нас в храме была такая бойкая старуха тетя Маша. Очень она была непоседлива. Но и очень богомольна. объехала много святых мест и продолжала их объезжать.

– Да разве это у нас вынос плащаницы? – говорила она. – Вот в Почаевской лавре – там это вынос, а у нас как-то обычно. А что такое у нас чтение Андрея Критского? Пришли четыре раза, постояли, разошлись. Нет, вот в Дивеево, вот там это – да, там так продирает, там стоишь и рыдаешь. А уж Пасху надо встречать в Пюхтице. Так и возносит, так и возносит. А уж на Вознесение надо в Оптину. Вот где благодать. Там же и в Троицу надо быть. Сена накосят – запахи!

Когда Алеша был в состоянии сам ездить, она его упрекала, что он не посетил никаких святых мест, а мог бы – у него, фронтовика, льготы на все виды транспорта. Алеша только улыбался и отмалчивался. Думаю, что он никак не мог оставить службу в храме. А она у него была ежедневной. Даже в те дни, когда не было литургии, Алеша хлопотал в церковной ограде, помогал сторожу убирать двор, ходил за могилками у паперти. Тогда Маша, решив, чтоб зря не пропадали Алешины льготы, стала брать у него проездные документы. Поэтому, конечно, она так много и объехала. А уж когда Алеша совсем занемог, Маша окончательно взяла его проездные себе.

И вот Алеша умер. И как-то так тихо, так умиротворенно, что мы и восприняли очень спокойно его кончину. Я пропустил два воскресенья, уезжал в командировку, потом пришел в храм, и мне сказали, что Алеша умер, уже похоронили. Я постоял над свежим золотистым холмиком его могилы, помолился и пошел поставить свечку за его поминовение.

Пришел в храм, а на месте Алеши сидела Маша.

– Наездилась, – сказала она мне. – Буду на Алешином месте сидеть. Теперь уж моя очередь.

Потом какое-то время я долго не был в храме, опять уезжал. А когда вернулся и пришел на службу, на Алешином месте сидела новая старуха, не Маша. Оказывается, и Машу уже схоронили. И Алешино место освободилось для этой старухи.

– С Алешиного места – прямо в рай, – сказала она.

Часто я вспоминаю Алешу. Так и кажется иногда, что вот он выйдет со свечой, предвзя вынос Евангелия, или сейчас поднесет кадило батюшке, будет стоять, серьезный и сторбленный, при отпевании, и как же озарится его измученное, сморщенное лицо, когда закричит окунаемый в святую купель крещаемый младенец.

Молитва матери

«Материнская молитва со дна моря достанет» – эту пословицу, конечно, знают все. Но многие ли верят, что пословица эта сказана не для красного словца, а совершенно истинно и за многие века подтверждена бесчисленными примерами?

Отец Павел, монах, рассказал мне случай, происшедший с ним недавно. Он рассказал его, как будто все так и должно было быть. Меня же этот случай поразил, и я его перескажу, думаю, что он удивителен не только для меня.

На улице к отцу Павлу подошла женщина и попросила его сходить к ее сыну. Исповедать. Назвала адрес.

– А я очень торопился, – сказал отец Павел, – и в тот день не успел. Да, признаться, и адрес забыл. А еще через день рано утром она мне снова встретилась, очень взволнованная, и настоятельно просила, прямо умоляла пойти к сыну. Почему-то я даже не спросил, почему она со мной не шла. Я поднялся по лестнице, позвонил. Открыл мужчина. Очень неопрятный, молодой, видно сразу, что сильно пьющий. Смотрел на меня дерзко: я был в облачении. Я поздоровался, говорю: «Ваша мама просила меня к вам зайти». Он вскинулся: «Ладно врать, у меня мать пять лет как умерла». А на стене ее фотография среди других. Я показываю на фото, говорю: «Вот именно эта женщина просила вас навестить». Он с таким вызовом: «Значит, вы с того света за мной пришли?» – «Нет, – говорю, – пока с этого. А вот то, что я тебе скажу, ты выполни: завтра с утра приходи в храм». – «А если не приду?» – «Придешь: мать просит. Это грех – родительские слова не исполнять».

И он пришел. И на исповеди его прямо трясло от рыданий, говорил, что он мать выгнал из дому. Она жила по чужим людям и вскоре умерла. Он даже и узнал-то потом, даже не хоронил.

– А вечером я в последний раз встретил его мать. Она была очень радостная. Платок на ней был белый, а до этого темный. Очень благодарила и сказала, что сын ее прощен, так как раскаялся и исповедался, и что она уже с ним виделась. Тут я уже сам, с утра, пошел по его адресу. Соседи сказали, что вчера он умер, увезли в морг.

Вот такой рассказ отца Павла. Я же, грешный, думаю: значит, матери было дано видеть своего сына с того места, где она была после своей земной кончины, значит, ей было дано знать время смерти сына. Значит, и там ее молитвы были так горячи, что ей было дано воплотиться и попросить священника исповедать и причастить несчастного раба Божия. Ведь это же так страшно – умереть без покаяния, без причастия. И главное: значит, она любила его, любила своего сына, даже такого, пьяного, изгнавшего родную мать. Значит, она не сердилась, жалела и, уже зная больше всех нас об участи грешников, сделала все, чтобы участь эта миновала сына. Она достала его со дна греховного. Именно она, и только она – силой своей любви и молитвы.

Меня не пустили в церковь

Да, именно так. Не пустили. И кто? Русские солдаты. И когда? В День Победы. Заранее собирался пойти на раннюю литургию Девятого мая. Встал, умылся, взял написанные женой записочки о здравии и упокоении, еще приписал: «И о всех за Отечество павших», и пошел. А живем мы в начале Тверской, напротив Центрального телеграфа. И надо перейти улицу. Времени было половина седьмого. Вся улица была заставлена щитами ограждения. За ограждением стояла уже боевая техника: современные танки, также и танки времен войны. Рев их моторов мы слышали все последние недели на репетициях парада. Я подошел к разрыву в ограждении. Но меня через него к подземному переходу не пустили. «Я в церковь иду». – «Нельзя!» – «Но я же в церковь, я тут живу, вот паспорт». – «После парада откроют». – «Милые, еще до парада почти четыре часа». – «Отойдите».

Вот так. Сунулся к переходу у Моссовета – закрыто. К Пушкинской – бесполезно. Вот такие дела. И смотреть на всю эту боевую мощь не захотелось. Меня же не пустили, когда я шел молиться, в том числе и за воинов нынешних.

– Вы что, не православные?

– Приказ – не пускать!

Такие дела. Конечно, я вернулся. А все ж горько было. Конечно, плохой я молитвенник, грешный человек. Но вдруг да именно моя молитва была нужна нашей славной Российской армии?

Вот так вот. И смотрел парад по телевизору. Человек в штатском, без головного убора, называемый министром обороны, объехал выстроенные войска, ни разу им не козырнув, выслушав их тоекратное «ура», подъехал к трибуне и доложил об их к параду готовности главнокомандующему, тоже в штатском, тоже обошедшему без отдания чести, ибо, как нас учили в армии, «к пустой голове руку не прикладывают».

Грянул парад. Дикторы особенно любовно отмечали в комментариях марширующих иностранцев. Потом проревела техника. А потом, прямо над крышами, понеслись самолеты. Некоторые невероятной величины. Диктор сказал, что если бы они еще снизились на десять метров, то все бы стекла в окнах и витринах вылетели.

Потом горечь прошла. Цветы, ордена, дети, музыка. Что ж, значит, не заслужил я великой чести помолиться о живых и павших в храме. Встали с женой перед иконами в доме и прочли свои записочки. И пошли на улицу, и ощутили, что Победа 45-го достигла и до нас.

Братья староверы

В конце шестидесятых годов прошлого века, когда в СССР сталинское отношение к религии начинало сменяться хрущевскими гонениями, я, совсем мальчишкой, работал после школы в районной газете. И редактор послал меня сделать материал с заседания бюро райкома КПСС. А там обсуждался вопрос об исключении из членов партии бригадира одного из колхозов. Свою веру в Бога он не отрицал, не каялся и, когда члены бюро проголосовали за его исключение, положил партбилет и молча вышел. Рядом со мной сидел знакомый председатель колхоза. Он попросил меня догнать этого человека и сказать, чтобы тот подождал его. Спустя месяц я узнал, что исключенный работает у этого председателя завхозом. Мне председатель сказал:

– Меня потащили на ковер: зачем взял на работу? Немедленно уволь. Я отвечал: можете и меня исключить, а такого завхоза я вам не отдам. Почему? Он же старовер, а они копейки чужой не возьмут. Пойди найди честного завхоза.

И еще воспоминание. Тоже из юности. В районе было много староверов, но вот ночевать у себя в деревне они не оставляли. Раз даже, помню, в деревне Кержаки попросил напиться, хозяйка вынесла воду в черепушке, я напился, вернул ее, а хозяйка черепушку выбросила. По-моему, даже демонстративно. Видимо, она почувствовала запах табака, я по дурости тогда курил.

Название Кержаки, конечно, от реки Керженец, куда уходили первые волны гонимых сторонников протопопа Аввакума. Их называли раскольниками. Это более чем несправедливо. Какие же они раскольники? Что они раскалывали? Они хранили ту веру, которую получили от отцов и дедов. Кто их убеждал в том, что какие-то исправления в обрядности, в текстах Священных книг, чтобы не уклониться от чистоты полученной из Византии веры, необходимы? Что еще задолго до патриарха Никона преподобный Максим Грек, ученейший монах Святой Горы Афон, приглашенный в Москву для переводов с греческого на русский, говорил о некоторых неточностях русских текстов, уже вошедших в церковную жизнь. За что, кстати, много перестрадал.

Раскол у нас был, это раскол, названный по имени архиепископа-обновленца Григория (Яцковского) григорианским. Это конец 1925 года. Григорианцы исполняли директиву ОГПУ «ускорить проведение намечившегося раскола среди тихоновцев». В апреле следующего года Антицерковная комиссия ЦК ВКП (б) постановила: «Проводимую ОГПУ линию по разложению тихоновской части церковников признать правильной и целесообразной». И по всей стране шли аресты, расстрелы и ссылки именно православного священства. На сторону обновленцев переходили многие. Вот это был раскол так раскол, угрожавший, по сути, существованию Православной церкви в России. И подчинение остатков ее Ватикану, который жадно ждал результатов раскола. Но не вышло ничего ни у большевиков, ни у Ватикана. И последствия раскола вскоре стали неощутимы, чему во многом содействовал приход патриарха Сергия на патриарший престол и чистосердечное раскаяние многих раскольников-обновленцев. А послание Сергия помогло прекратить действие всяких легатов и нунциев Ватикана в СССР.

Теперь уже и Русская православная Зарубежная церковь едина с Русской православной церковью. Вроде и катакомбники уже на поверхности. Но вот все никак не можем мы братски обняться с братьями по вере, старообрядцами.

Почему? Очень сильна у них обида и на царское, и на советское государство, на священноначалие, на большевиков, на коммунистов.

Но и в самом деле: гонения, тюрьмы, ссылки, казни, сжигание заживо... все прошли приверженцы старой веры. Православных они называют нововерами, никонианами и готовы вновь страдать и умирать за двоеперстие, за «посолонь», за бороды. Крепость их веры сродни

фанатизму, они уверены, что спасение можно получить только пребывая в вере Аввакумовой. Именно он, по преданию, возвысил двоеперстие из горящего сруба и возгласил: «Будете таким крестом молиться, не погибнете во веки». Спросим: а нам, что, погибать со своим троеперстием? И, значит, напрасны все жертвы, реки крови, пролитые православными за Христа во все времена богоборчества? И разве не уязвляет наше сердце Аввакумово название православного креста польским крыжем?

Да, велик Аввакум в своем неистовом желании сохранить старую веру. Велики старообрядцы, пронесшие через века святость семьи, трудолюбие, здоровый образ жизни. Может быть, этому помогло их воинственное отмежевание от мира? Но они были, так или иначе, в государстве. И когда наступали войны, когда государству были нужны солдаты, как было не считать укрывавшихся в лесах людей призывного возраста дезертирами? И как думать о священниках, вынуждавших своих пасомых идти в подкопы, в самоожжение?

О, Россия, Русь-матушка, как часто ты относилась к своим хуже, чем к чужим. В Царско-сельский лицей, в котором учился Пушкин, не принимали старообрядцев. А для трех лицейстов, мальчиков-лютеран, специально выстроили кирху. Да и доселе все так же, забросили мы 25 миллионов соотечественников в зарубежье, а города наши, рынки, магазины полнятся кавказцами и азиатами. Если когда возвращаются старообрядцы из Южной Америки в Россию, им не создают условий для жизни. А уж кто, как не старообрядцы, может работать и производить безобманные продукты и товары.

Московский центр старообрядчества начинался с «Богоделенного» дома на Рогожском кладбище, которое было определено для захоронения умерших во время чумы в 1771 году. И очень быстро там появилась и деревянная часовня, замененная через пять лет каменной (1781 г.), затем церкви, к концу XVIII века было двадцать тысяч прихожан, а к 1825 году, во времена Александра I, до семидесяти тысяч. Здесь при нашествии французов укрывалось церковное имущество. Уже развернулась благотворная для Москвы деятельность: сиротский дом, приюты для умалишенных, училище для подкидышей (вот что очень бы хотелось возродить, это бы резко уменьшило число аборт), были уже на Рогожке библиотеки, архив, богатый редкими изданиями... Но силен бес, далее вновь начались притеснения, гонения. В 50-е годы многие старообрядцы переходили в единоверие, но причина была... экономическая. Переход в единоверие позволял записываться в купеческое сословие. А уж купцы староверы были первейшие. В начале XX века император Николай II даровал старообрядцам гражданские и религиозные свободы. Снято было с них клеймо раскольников. И какой тогда был животворный всплеск в строительстве храмов, больниц, школ, приютов, домов трудолюбия. На деньги старообрядцев.

Но застарелые обиды на власти не заживали, и в революцию некоторые старообрядцы финансово помогали большевикам. В благодарность за это большевики разрешили открыть на Рогожке Старообрядческую академию, в ней, кстати, преподавал Бердяев. Но вскоре большевистские гонения коснулись и старообрядцев.

Но уж теперь-то, теперь-то, во времена усиления сатанинской злобы на Россию, уж время ли помнить обиды? И думать, *что* лучше: сущим во гробех или гробным? И, выходя из храма, куда поворачивать, вправо или влево? За солнцем мы идем или навстречу ему, в любом случае мы идем за Христом. Это главное, в этом мы едины сердцем и душой. Один язык, одна вера, одно Отечество.

Зимние ступени

Вятское село Великорецкое. Именно то село, где больше шести веков назад явилась чудотворная икона святителя Николая. В начале лета сюда идет многолюдный Крестный ход из Вятки, и вообще все лето здесь полным-полно приезжающих – и молящихся, и просто любопытных.

Места удивительной красоты, взгляд с горы, на которой стояла сосна с иконой, улетает в запредельные пространства. Небольшая, похожая на Иордан река, источник и купальня около нее очень притягательны. В реке купаются, а кто посмелее, тот погружается в ледяную купель. Зимой купель перемерзает, но источник все льется и льется. Только нет у него, как летом, очереди; пусто на берегу. Но в церковные праздники все-таки вода течет не только в реку, но и в баночки, и в бутылочки: это старухи после службы приходят за святой водой.

Зимой в селе царственно, заснеженно, просторно. Местных жителей в церкви почти не бывает, а приезжают на молитву и за водой из районного центра. На своих машинах или на автобусе, который ходит два раза в день, а иногда ни разу. Но в праздники и в воскресенье ходит.

Накануне Рождества двое мужчин, Аркаша и Василий, делают ступени к источнику. Оба одного года, обоим за пятьдесят, но Василий выглядит гораздо старше: судьба ему выпала нелегкая. Всю жизнь, лет с четырнадцати, на тракторе, в колхозе. Нажил дом, вырастил детей. Дети поехали в город. Жена умерла. Дети уговорили продать дом, чтобы им купить квартиру. Купили. А недавно сын попал в одну историю, ему угрожала или тюрьма, или смерть от дружков. Надо было откупаться. Продали квартиру, сын сейчас живет у родителей жены, а Василий здесь, из милости, у дальних родственников, в бане.

Аркаша молод и крепок на вид, в бороде ни одной сединки. Аркаша – городской человек, приехал сюда по настоянию жены, она певчая в церкви. Руки у Аркаши сноровистые, батюшка постоянно о чем-то просит Аркашу. Аркаша, конечно, руководит Василием.

Василий работает ломом, Аркаша подчищает лопаткой.

– Дожди на Никольскую ударили, экие страсти, – говорит Василий, – всегда Никольские были морозны, а тут дожди. Но уж рождественские свое берут. – У Василия на красных щеках замерзшие слезы. Телогрейку он давно снял, разогрелся, Аркаша в тулупчике. – Но уж зато сколько спасибо завтра от старух услышим, – разгибается Василий.

– Похвала нам в погибель, – рад поучить Аркаша, – нам во спасение надо осуждение и напраслину, а ты спасибо захотел.

– Не захотел, а знаю, что старухи пойдут, благодарить будут – какая тут погибель?

– Плохо ты знаешь Писание, – укоряет Аркаша. – Вот ты знаешь рождественский тропарь? Нет, не знаешь. А завтра в церкви запоют, и ты будешь стоять и ничего не понимать. А я знаю: «Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение». А? Ангельское пение в небесах слышали пастухи. Пастухом был небось? Вот, а ангельского пения не слышал, так ведь? По нашему недостойнству. В мир пришел Спаситель, и не узнали! – с пафосом произносит Аркаша. – Места в гостинице не нашлось, в ясли положили Богомладенца, Царя Вселенной!

– Я в хлеву часто ночевал, – простодушно говорит Василий. – Снизу сенная труха, сверху сеном завалюсь, корова надышит, в хлеву тепло. Она жует всю ночь, я и усну. Утром она мордой толкает, будит... – Василий спохватывается, заметив, как насмешливо смотрит на него Аркаша, и начинает усердно откалывать куски льда.

Аркаша учит дальше:

– По замыслу Божию, мы равны ангелам.

– Нет, – решительно прерывает Василий, – это уж, может, какая старуха, которая от поста и молитв высохла, – та равна, а мы – нет. Я, по крайней мере. Ближе к этому не стою. Ты – конечно. Ты понятие имеешь.

– Я тоже далек, – самокритично говорит Аркаша. – Были б у нас сейчас деньги, мы б не ступени делали, а пошли б и выпили.

– Вначале б доделали, – замечает Василий.

– Можно и потом доделать, – мечтает Аркаша, но спохватывается: – Да, Вася, в Адаме мы погибли, а во Христе воскресли. Так батюшка говорит. Христос – истина, а учение Его – пища вечной истины. Это я в точности запомнил. У меня память сильно сильная. Вот и на заводе – придут из вузов всякие инженеры, а где какой номер подшипника, какая насадка – все ко мне...

Батюшка уже сходил в церковь, все подготовил для вечерней службы, велел послушнику Володе не жалеть дров, вернулся в дом и сидит, готовит проповедь на завтра. Перебирает записи, открывает семинарские тетради. Так много хочется сказать, но из многого надо выбрать самое необходимое. Батюшка берет ручку и мелко пишет, шепча и повторяя фразы: «Мы не соединимся со Христом, пока не пробудим в себе сознание греховности и не поймем, что нашу греховную немощь может исцелить только Врач Небесный». Откладывает ручку и вздыхает. Когда батюшка был молод, принимал на себя сан, дерзал спасти весь мир. Потом служил, бывал и на бедных, и на богатых приходах и уже надеялся спасти только своих прихожан. А потом думал: хотя бы уж семью свою спасти. Теперь батюшка ясно понимает, что даже самому ему и то спастись очень тяжело.

– Ох-хо-хо, – говорит он, встает, крестится на красный угол, на огонек лампадки и подходит к морозному окну.

Последнее на сегодня солнечное сияние розоватит морозные узоры. Тихо в селе. Из труб выходят сине-серые столбики дыма. «Так и молитвы наши, – думает батюшка, – яко дым кадильный». Он возвращается к столу и записывает: «Благодатная жизнь возникает по мере оскудения греха». «Нет, надо проще, – думает батюшка, но тут же возражает себе: – Но куда проще говорил Господь Каину, а тот умножал свои грехи. Праведный Ной разве не призывал покаяться? То же и праведный Лот. И не слушали. И на горы приходили воды, и огненная сера падала на Содом и Гоморру. Проходили воды, смывавшие нечестия, но проходил и страх гнева Божия, опять воцарялся порок, плясал золотой телец, опять все сначала. Господи, как же Ты терпелив и многомилостив! Строили столп вавилонский, чтобы увековечить себя, свою гордыню. Господь смещением языков посрамил гордыню человеческую, они же стали воздвигать башни в себе. И опять Господь попустил свободу их сердцам, чтобы сердца их сами увидели гибель. Нет, не увидели. Через Моисея дал законы и обличил немощь человеческую, и опять: разве послушали?»

Батюшка снова встает, снова крестится, кладет три поклона и уже не замечает, что говорит вслух:

– Пророки говорили и умолкли, дал время Господь выбрать пути добра и зла, жизни и смерти. Всегда-всегда был готов Господь спасти, но люди сами не хотели спастись. И когда прииде кончина лета, кончина обветшавших дней, послал Господь Сына Своего Единородного в палестинские пределы.

Мысли батюшки улетают в Вифлеем. За всю жизнь батюшка так и не смог побывать на Святой земле, может, оттого так обостренно и трогательно он старается представить всю ее: и Назарет, и эти ступени, которые вели к источнику Благовещения, и ступени к пещере, в которой, повитый пеленами, лежал Богомладенец и куда вела звезда, и неграмотных пастухов, и образованных волхвов, и ступени на Голгофу. Батюшка всегда плачет, когда представляет Божию Матерь, стоящую у Креста. Сын умирал на Ее глазах. Сын! Господи, только по Его слову сердце Ее не разорвалось, еще много Ей предстояло трудов.

– Дедушка, – влетает в комнату внука, – а Витька говорит, что игрушки на елке – это слезы, что это ты говорил. Какие же это слезы?

– А, – вспоминает бабушка, – да, говорил. Видишь, Катюша, у нас елочка, а на юге пальма. Пальма же ближе к Вифлеему. Все деревья собрались славить Рождество Христа, а елочка опоздала, ей же далеко. Опоздала и заплакала. У нас холодно, слезки замерзли. Господь ей сказал: «Все твои слезы будут тебе как драгоценности». Вот мы и наряжаем с тех пор елочку.

– А еще Витька сказал, – ябедничает дальше внука, – что Дед Мороз – это не Дед Мороз, а Санта-Клаус, американский, говорит. Да, дедушка?

– Нет. Санта-Клаус – это святой Николай, какой же он американский, он христианский, православный.

Внука улетает. Бабушка облачается к вечерней службе. Он любит вечерние службы. У печки обязательно дремлет приехавший заранее старичок, которому негде ночевать, но который просыпается точно к елеопомазанию. Любит бабушка исповедовать именно вечером, без торопливости, спокойно, читая или выслушивая незамысловатые грехи: «Невестка обозвала меня, а я не стерпела и тоже обозвала, каюсь...».

Рождественское утро. Кто-то приехал еще до автобуса, успел уже побывать на источнике.

– Ой, Аркадий, – благодарят громко женщины, – это ведь такая красота, прямо как в санатории ступеньки, а мы шли, переживали, как попадем.

– Думали, как Суворов через Альпы, да? – довольно шутит Аркаша.

И в автобусе народу битком, и в церкви стеной. Василий забивается в самый конец, за печку, видит, что вьюшка на печке хлябает в своем гнезде и около нее поддымлено, закоптилось. Василий вспоминает, что у него в предбаннике есть глина и белила, и решает завтра же починить печку.

Начинается служба. Конечно, Василий не понимает многих слов, не понимает всего пения, но ему так хорошо здесь, так умирительно глядеть на горящие свечи, слушать бабушку, согласный молитвенный хор, видеть, как открываются и закрываются царские врата, как летит оттуда, из алтарного окна, сверкание рождественского солнца и вдыхать сладкий запах кадильного ладанного дыма. Василию становится жарко, он снимает телогрейку и стоит в старом свитере сына. Чувствует, что нос у него расклеивается, думает: «Где это я простыл?» Достает носовой платок, тихонько высмаркивается и ощущает, что у него мокрые глаза. Он понимает, что это от умиления, оттого, что так хорошо ему давно не было, что вот он, всеми брошенный, никому не нужный, нужен и дорог Господу, что Господь его не оставил, что ноги, слава Богу, носят, руки работают, никому не в тягость, голова соображает. Может, еще какую работу найдет, чтоб сыну помочь. «Пусть бы все на меня валилось, – думает Василий, – еще же и мать, покойница, говорила: «Кого Бог любит, того наказывает». И это, материнское, вспомнилось ему именно сейчас, в церкви, значит, жило в нем и ждало минуты для утешения. «Любит меня Бог, – понимает Василий. – Любит. Ведь сколько же раз я мог умереть, погибнуть, замерзнуть, спиться мог запросто, а живу». Василий украдкой вытирает рукавом слезы.

Аркадий стоит впереди всех, размашисто крестится. Но ему не до молитвы, надо готовить емкости для водосвятия. Он выходит на паперть и кричит проходящему соседу:

– А по какому праву службу прогуливаешь?

– Ты ж знаешь, я в церковь не хожу, – отвечает сосед.

– Надо, – сурово назидает Аркаша. – А если в церковь не пошел, ставь бутылку, я за тебя свечку поставлю.

Сосед смеется:

– За бутылку надо десять свечек.

– Как это можно сравнивать? – картинно возмущается Аркаша.

Сосед бежит дальше, а Аркаша разбивает лед в бочке, начерпывает воды в ведра, несет в церковь. Батюшка заканчивает проповедь:

– ...и каждому, и всем нам дается время на покаяние. Долготерпелив, милостив Господь, не до конца прогневается, говорят святые отцы, но мы-то, грешные, доколе будем полнить чашу греховную, доколе? Ведь уже через край льется...

Батюшка долго молчит. Слышно, как потрескивают свечи. Звонят колокола. В морозном солнечном воздухе звуки их чисты и слышны далеко окрест.

Вася, отбрось костыли

Правдивейшая история о том, как Вася Заремба, коммунист и зять генерала, при социализме чуть не попал в тюрьму, но был спасен демократами, о том, как те же демократы Васю погубили, о том, как Вася попал в лапы к протестантам, а потом прозрел.

Рожденный в эпоху культа личности, Вася Заремба возрастал при волюнтаризме, а начинал озираться по сторонам во времена застоя. Дивно ли, что Вася вроде и не жил, а все готовился жить. Брошенный отцом, забываемый матерью, Вася кое-как учился, чашки за собой не мыл, постель не убирал, любил жвачку, развлечения и американско-японское кино о деньгах, разврате и драках. В школе Васю еле-еле тащили за волосы, ибо было обязательное среднее образование.

До армии Вася слонялся по компаниям, рассказывал анекдоты, научился красиво сплевывать, а в армии служил так, чтобы все знали: Васе ничего нельзя поручить, кроме дежурства на кухне и работы на складах – вещевых, продовольственных и горюче-смазочных материалов. На складах Вася прошел школу жизни. Он усвоил три правила: во-первых, под боком у начальства всегда бардак, во-вторых, надо уметь вовремя попадаться начальству на глаза, в-третьих, надо уметь пить и не надо болтать. А уж что и куда толкаешь, какие тюки, какие канистры, какую свершаешь пересортицу, какие химичишь обновления в «просрочке», то есть в просроченных продуктах, – это твое личное дело.

После срочной службы Вася остался на сверхсрочную. Это было очень по нему: еда и одежда, проезд и все остальное – не его забота. И с квартирой решилось, так как Вася женился на капитанской дочке. Женитьба была и по любви, и по расчету.

По пословице про веревочку, которая вьется, но до поры до времени, Вася попался. И попался-то глупо: списал десять кубометров леса на забор вокруг части. Кто-то случайно посмотрел – а забор-то бетонный. Ох, и горевал потом Вася, что случилось это не при Ельцине: Вася бы и бетонный списал.

Пошел Вася служить в милицию. Там пасть было очень можно. Тесть-капитан к этому времени стал тестем-полковником и содействовал. Но вот штука: жена прапорщика – это одно, а жена, которая полковничья дочь, – это другое. Ее одеть нужно, ее нужно на курорт отправить, ей нужно гостей принять по-человечески и ей надо в гости сходить. Тебе принесли подарок, и ты тоже носи. Эту же вазу, которую подарили и все видели, ее же не понесешь, люстру носи. А люстру поди купи. А у полковничьей дочери друзья не какая-то шпана сверхсрочная, они хрусталь от стекла как-нибудь отличают, и фарфор от глины отличают, и ковер люберецкий от цыганского тоже. Но при Васином умении списывать новую технику в старую, а потом продавать ее опять за новую прихоти жены он преодолевал. Да и сам, в общем, был уже давно не такой сибирский валенок, каким начинал, уже успел полюбить двух гитаристов-певцов, Высоцкого и Окуджаву, потом, по ходу жизни, разлюбил, их органически вытеснили группы «Лесоповал» и «Дюна», так что жил Вася наполненно. Только вот в отпуск не любил уходить. Не из-за рьяности к работе, а из-за того, что домой ничего не нес. И от этого уснуть не мог. Так он как придумал: перед сном закидывал свою фуражку к соседу во двор, потом украдкой лазил за нею – и уж тогда, счастливый, засыпал.

Но как ни возрастало Васино умение жить, попался Вася и в милиции. Он, как он выражался, прокачивал, продавливал очередную партию «уазиков». Он их реализнул своему начальнику, а Васины хлопцы их сперли. Начальник дело размотал, но, чтоб скандала не было, Васю не мочил, в ментовку не сдавал, а просто из органов попер. И как не попереть – сам он в Прибалтику цветной металл прокачивал.

А тесть уже тем временем генерал, а жена Васи к тому времени – генеральская дочь. Определился Вася в пожарные, осмотрелся. О, да и тут не все со шлангами да с лестницами бегают, не все дымами дышат, тут тылы есть, тут фуражку не надо в чужой двор кидать, есть чем заняться. К тому времени у Васи и армейских, и милицейских соратников накопилось изрядно. Вася их делил по сортам. Одни надывывали, где, в какое место чего натаскано-наворовано, другие поджигали разными научными методами, например химической смесью, третьи ехали пожар тушить, а имущество спасали в свои машины. Приезжал и Вася, писал протокол. Скребя в затылке, сочинял причину: от неисправной проводки, от небрежного обращения с газом, от курения в постели в такой-то стадии опьянения или, для разнообразия: причина выясняется.

Но вот невезуха – и тут Вася сгорел. Сгорел, когда в пожаре сгорели люди. Они и раньше горели, но тут двое спаслись и узрели, что пожарные тащат то, что уже утащено. От великой радости, что живы, и от великого огорчения, что у них воруют наворованное, эти погорельцы настучали на Васю. Вася пробовал их заткнуть, подмазать, но затычка и подмазка очень намного превышала стоимость нарядов генеральской дочери, и Вася ушел по собственному желанию.

«Но работать все равно не буду!» – твердо сказал себе Вася. Тут, на Васино счастье, состоялся август 91-го. Пошел Вася на игрушечные баррикады защищать демократию, вернулся пьяный и с банкой ветчины. Но он ее там не крал, ее там даром давали.

Очень были рады демократии Васиной кореша – воры армейские, воры милицейские и воры пожарные. Вышли из подполья и воры-торгаши. Все они ходили по митингам и драли глотки за демократов. Очень нравились Васе и его компании крики всяких новозадворских о том, что коммунистов надо вешать. Естественно, что и Вася, и дружки были до отпуска компартии в ней, но теперь оказалось, что они были самые настоящие герои, ибо они специально были плохими коммунистами, чтобы подрывать партию изнутри, а вот были и хорошие, честные коммунисты – вот их и надо вешать.

Воровать стало вольготно. Воровали в открытую, только одно досаждало – стрельба. Вот, например, кто-то много украдет, а другой меньше, ему и обидно. Он выпьет, да и давай стрелять. Но Вася был осторожен. Жена его уж и не знала, в какую бы еще страну съездить, на каком бы еще пляже полежать. Она даже и Васю выучила выговаривать слово «Копакабана». А вот папаша ее уже ничего не выговорил: не выдержали его легкие воздуха свободы, задохнулся генерал, лег в гроб в своем полном обмундировании, которое с него к ночи сняли и на Арбате продали.

В генеральской квартире стали жить, а свою сдавать за валюту. Вроде бы живи и радуйся, но жена, как старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке», все была недовольна.

– Сволочь какая, – говорила она подругам о муже, – ничего не умеет.

– Как это так – ничего? – возражали ей. – Да у тебя всего с краями. У нас и на стенах того нет, что у тебя на полу.

– Барахла-то и дурак натащит, – отвечала на это Васиная жена. – У него руки не оттуда растут. Ничего не умеет, гад ползучий. Тесто раскатывает – толсто, стирать начнет – наволочки рвет. Борщ варит – свеклу крупно нашинкует, – ну не сволочь? А пол моет – только грязь развезет, такая свинья. А гладить примется – на блузке одни морщины. Поживи с таким!

– А ты сама? – осмеливались спросить подруги.

– Когда мне, – возмущалась жена. – Я встаю к обеду, пока причешусь, уже вечер, пора в гости. Когда мне? Не-ет, пусть Васька хоть наизнанку вывернется, но что-то делает...

Вася не был бы Васей, если б не нашел выход. Он привел в дом служанку. Служанка нравилась Васе как женщина, а Васиной жене нравилось, что у нее еще, кроме мужа, появилось, на кого кричать.

Для этой служанки, которая для удобства жизни стала его любовницей, Вася снял квартиру. И очень полюбил суточные наряды. Ночевал, естественно, у служанки. Жаловался ей на жизнь и на жену, служанка жалела Васю и тоже говорила о трудностях.

Содержать жену и любовницу было сложновато, но при Васиных талантах к махинациям сложности он преодолевал. Вася вообще человек был не жадный. Если купит жене перстень, то и любовнице тоже купит.

После дежурства Вася шагал домой, где уже шипел на него сиамский кот, а в бассейне передвигались рыбки, шевеля водоросли.

Детей своих (ведь были же у Васи и дети) они с женой отправили в Америку, в которой дети так и остались, даже выучили английский для всех, а русский забыли. Когда они один раз вернулись, то с Васей на русском не разговаривали, а английского он не знал. Но мама их, жена Васина, видимо, знала, они же с нею как-то договорились. Договорились до чего? Или о чем? А о том, что вскоре она тайком от Васи продала две квартиры, свою и папашину, две дачи, две машины, перевернула рубли в драгоценности, сложила их в сумочку, сумочку повесила на шею, напоила Васю и...

И утром он проснулся, услышав в коридоре стук кованых сапог, в квартиру вошли люди, лишённые эмоций, в змеиной зелено-желтой форме, символизирующей единение желтого рубля и зеленого доллара, в ней, в форме, было бы удобно ползать по джунглям. Сейчас они поползли по просторам квартиры, сверяясь с обстановкой и со списком в руках. Обозрев и отметив галочками ковры, хрусталь, мебель, заглянув в бассейн, пнув ногой сиамского кота, люди в форме убедились, что все соответствует, но что в квартире есть что-то лишнее, которое в списках не значилось. Это лишнее был Вася. Васю выкинули. Как? Да вот так: взяли и выкинули. Причем это же не была какая-то шушера, это был народ при исполнении, звали их гавриками, по имени их начальника Гавриила.

Стал Вася очень бедный. Показали дружки Васе кукиш. Пошел Вася к подругам, они не все показали кукиш. Одна накормила один раз, другая, новая русская (кстати, бывшая служанка), даже выпить дала, даже предложила дачу охранять. Отправился Вася на просторы дачного пространства, а там запил, что при его положении очень естественно. А тут новая русская с проверкой. А Вася лежит в борозде, причем не в позе, удобной для прополки, а в позе для просушки организма. Когда новая русская сюда же приплюсовала частичное опустошение винных запасов, убыль солений и копчений да еще услышала крик из-за бетонной ограды: «Васька, гад, где похмелка?» – то в результате такой арифметики Вася был разбужен, в дом больше не впущен, из дому был вынесен пиджак с проверенными карманами, и Васе было указано на выход.

И пошел Вася, палимый солнцем демократии и провожаемый лаем старой собаки новых русских. А ведь, сволочь такую, еще утром кормил тушенкой.

Стал Вася бомжем. Жил, скитался по вокзалам и чердакам. На хлеб и пиво собирал бутылки, всяко шакалил. От мебельных магазинов гнали: там была еще та мафия, да и не те уже были мышцы, чтобы комоды таранить. Гнали и от пивных: тоже своя клиентура. Как и в винно-водочных.

Зацепился Вася за оптовиков-книжников. Получал от них товар – всякие книжки в цветных обложках – и продавал по пригородным поездкам. Велели говорить фразу, что в электричке книги в три раза дешевле, чем на лотках. Я его услышал, когда ехал с Ярославского вокзала до Сергиева Посада:

– Впервые на русском языке!

В вагоне почти никого не было, подвыпивший Вася подсел ко мне и разговорился про свою историю жизни. И как он жил не тужил, и вот...

– Хорошо, – спросил я, – всю жизнь воровал, не работал, а дальше что?

– Дальше мне подышать, – отвечал Вася Заремба.

Мы подъезжали к Сергиеву Посаду. Вася шел на обратную электричку, а мне, вроде как в благодарность за его рассказ, пришлось купить роман. Я даже в него заглянул, перед тем как выкинуть, наткнулся на такое место: «... надевая на вечер новый скафандр, Эола наконец решила сказать Джону, чтобы он не играл более на бирже на повышение инвестиций компании Пьера, ведь он связан с Джуди, а она опасна. «О Джон», – думала Эола...»

Думал ли я, прощаясь, что скоро еще увижу Васю. Дело было уже после октября 93-го года. В субботу пришел ко мне сосед и принялся переключать программы телевидения. И вот – он не даст соврать – по трем, я повторяю: по трем программам вещали заезжие проповедники. Все бритые, все англоязычные.

– Выключи, – сказал я соседу, – не оскверняй квартиру их кваканьем. – И вдруг... и вдруг увидел... Васю. Вася на экране телевизора сидел в кресле. – Стоп, оставь!

Мы вслушались. Оказывается, пастор по фамилии, кажется, Шуллер обещал, что сейчас вот этот больной, всю жизнь (это Вася-то всю жизнь?) сидящий в кресле, встанет. Произойдет чудо исцеления. И если еще и после этого зрители (дело было в каком-то кинотеатре) не поверят в адвентистов, или баптистов, или евангелистов, или там мормонов, я не запомнил, то Шуллер даст руку на отсечение.

Женщины в годах, все в белых платьях, стоящие сзади Шуллера, спели какую-то песню. Васю подкатили поближе, и Шуллер закричал на него через переводчицу:

– Ты исцелен, ты исцелен! Милость Божия снизошла на тебя! Вставай!

Вася силился встать, но, видно, не мог. Шуллер делал над его головой движения руками, вроде тех, что совершают разные чумовые джуны.

– Встань и иди!

В общем, Вася встал. Вначале изобразил, что ему трудно, потом пошатался, сделал шаг, другой, третий. Шуллер неистовствовал, орал в микрофон, зал хлопал. Крупным планом показали подсадную (плачущую) утку.

Долго ли, коротко ли, опять я встретил Васю все в той же электричке, идущей к Сергиеву Посаду. Вася вновь торговал.

– Ну, Вася, – сказал я вместо приветствия, – видел я, видел, как ты на врагов России работаешь. Что ж ты, уж совсем одичал, не видишь, что все это жулье и шпана, все эти билли грэмы, всякие фин-дифигли, всех их у себя давно не слушают, они сюда подрядились ездить и здесь пакостить.

– Шпана, это точно, – отвечал Вася, – я их изнутри изучил, а из-за этого телевидения я заработка лишился. Как теперь по гастролям ездить, когда кто-нибудь меня видел?

– А вы гастролировали?

– Круглосуточно! Везде зеленый свет. Эти волокут с собой всякую технику, видики, радиотелефоны для подарков, залы снимают. Они же меня на улице подобрали. Ты только часть видел, у нас же там еще он садится в каталку, а я его сзади толкаю, вроде как окончательно исцелил. А то с костылями выходил. Он пошаманит, пошаманит, руками помашет, кричит через переводчицу: брось костыли, брось! Я отбрасывал. Жрать захочешь, отбросишь. Ты ж видишь, – Вася показал на бесчисленные надписи на бесконечных заборах вдоль железной дороги. В надписях кратко излагалось народное отношение к демократическому строю. – Свобода, – сказал Вася, понурясь, – ори что хошь, но все равно подыхай.

– Ну на гастролях-то ты, думаю, пожил.

– О! – Вася поднял голову. – Отдельное купе, ужин в купе. Меня до сеанса нельзя светить, прячут. Я там у них много чего приватизировал. Удобно компьютеры воровать: маленькие. Но тоже почти бесполезно – кому они сейчас нужны? Вся цена – пузырек.

– Вася, – спросил я, – а ты крещеный?

– Не знаю.

– А эти, баптисты или как их... свидетели Иеговы тебя окрестили?

– Нет. Я и не хотел. Уж больно какой-то цирк, несерьезно. Вообще, я хотел их изнутри взорвать. Думаю, вот вывезут, вот надо показать чудо исцеления, а я возьму и не исцелюсь. Вот, думаю, вы попляшете. А опять как подумаю, что деньги дают, кормят, можно чего и оприходовать, тогда думаю: надо исцеляться. А ты как думал! – Вася и не спросил, а как бы за меня ответил: – А то я сунулся к Белому дому в октябре, дорожка знакомая, думаю, подхарчусь, думал, как в августе девяносто первого, будут поить. А там не то чтоб кормить, там по морде получил, да еще от своего, от бывшего. Вместе воровали. Меня лупят, вижу знакомого красноперка (ментов же красноперками зовут, по цвету петлиц), кричу: «Витька!» А Витька как неродной, а его дубинники меня лупят. Тут пойдешь на арену. Но чего ж теперь: со мной расстались, не успел я им навредить.

– Давай, – предложил я, – в Сергиевом Посаде выйдем – и в лавру к преподобному Сергию.

– Я еще не созрел, – отвечал Вася, – я еще где-то на подходе. Тут дорога такая, я ж вижу, непростая. Тут бывает, что едут старухи и не присядут, ходят насквозь электричку, от хвоста до головы. Я спрашиваю, чего не сидится, говорят: надо бы, по правилам, идти в лавру пешком, а тут хоть так. Я созреваю. Я еще, может, и литературу буду продавать религиозную.

– И когда ты созреешь?

– А вот еще раз встретимся, тогда.

И ведь встретились же мы с Васей, встретились. Да еще как! Я сижу читаю. Поезд идет на Сергиев Посад. По проходу идет женщина-книгоноша и так четко, уверенно сообщает, что у нее книги дешевле, чем на лотках и в магазинах, в два раза, а за нею идет Вася, который ничего не рекламирует. Увидел меня, обрадовался, как родному!

– Жена! – радостно представил мне Вася женщину. – Американка!

И что же оказалось? А оказалось все так просто, что даже долго и нечего рассказывать. Жена Васи, бросив его, фактически обокрав, улетела к детям, а там дети, воспитанные передовой цивилизацией Америки, обчистили ее. То есть как обустроили: она вложила деньги и драгоценности в их дела и... стала лишней. Ее под предлогом устройства американо-российских связей их фирм посадили на самолет, дали адрес, куда ей надо прийти, и помахали рукой. Она пришла по адресу, но там не только фирмы, но и адреса не было. Вот и вся история.

Вася увидел жену, когда и она и он сдавали бутылки в приемном пункте.

Утешать супругов мне не пришлось, оба они враз говорили. Что так им и надо, что богатство их было нечестное, что оно и детям в пользу не пойдет. Детей вот жалко.

– А внуки, – заплакала женщина, – уже ни слова по-русски.

– Но как иначе, – защитил их Вася, – они же новые русские.

На прощание Вася с гордостью сказал мне, что носит крестик на груди, что жена тоже носит, что живут они из милости у ее бывшей подруги.

– И у твоей тоже?

– Нет, у другой. А та-то с дачей и дочерью куда-то пропала. Я ездил, там теперь какие-то новые с Кавказа. И собака другая. Ничего, даст Бог, встанем. Я еще думаю, может, в компартию поступлю. Ты за кого будешь голосовать? Это же надо, до чего довели богатейшую страну.

Жена позвала Васю. Они ушли дальше.

Может, еще и встречу их когда. Может, и из вас кто встретит, они по электричкам Ярославского вокзала ходят. По тем, которые идут на Сергиев Посад.

Марусины платки

Эта старуха всегда ходила в наш храм, а как вышла на пенсию, то стала бывать в храме с утра до вечера. «Чего ей тут не быть, – говорили про нее другие старухи, которые тоже помогали в службе и уборке, – живет одинешенька; чем одной куковать, лучше на людях». Так говорили еще и оттого, что от старухи много терпели. Она до пенсии работала на заводе инструментальщицей. У нее в инструменталке была чистота, как в операционной. Слесари, токари, фрезеровщики хоть и ругали старуху за то, что требует сдавать инструмент, чтоб был лучше нового, но понимали, что им повезло, не как в других цехах, где инструменты лежали в куче, тупились, быстро ломались.

Такие же образцовые порядки старуха завела в храме. Ее участок, правый придел, сверкал. Вот она бы им и ограничивалась. Но нет, она проникала и на другие участки. Она никого не корила за плохую работу. Она просто пережидала всех, потом, оставшись одна, перемывала и перетирала за своих товарок. Даже и староста не смела поторопить старуху. Только сторож имел на нее управу, он начинал серьезно греметь старинным кованым засовом. Старухи утром приходили, конечно, расстраивались, что за них убирала, но объясниться со старухой не смели. Конечно, они в следующий раз старались сильнее, но все равно как у старухи у них не получалось: кто уже был слаб, кто домой торопился, кто просто не привык стараться, как она.

У старухи был свой специальный ящичек. Это ей по старой дружбе кто-то из слесарей сделал по ее заказу. Из легкой жести, но прочный, с отделениями для целых свечей, для их остатков, отделение для тряпочек, отделение для щеточек и скребков, отделение для порошков и соды.

Видимо, этого ящичка боялись пылинки, они не смели сесть на оклады икон, на деревянную позолоченную резьбу иконостаса, на подоконники: чего и садиться, все равно погибать. И хоть и прозвали старуху вредной, но то, что наша церковь блестела, лучилась отражением чистых стекол, сияла медовым теплым светом иконостаса, мерцала искорками солнца, отраженного от резьбы окладов, – в этом, конечно, была заслуга старухи.

Вредной старуху считали не только соратницы, а и прихожане. К ним старуха относилась как к подчиненным, как старшина к новобранцам. Если в день службы было еще и отпевание, старуха выходила к тем, кто привез покойника, и по пунктам наставляла, как внести гроб, где развернуться, где стоять родственникам, когда зажигать свечи, когда выносить... То же и венчание. Крестили не в ее приделе, хотя и туда старуха бросала зоркие, пронзительные взгляды. Иногда, если какой младенец, сопротивляясь, по грехам родителей, орал особенно безутешно, старуха считала себя вправе вторгнуться на сопредельную территорию и утешить младенца. И в самом деле, то ли младенец пугался ее сурового вида, то ли она знала какое слово, но дитенок умолкал и успокаивался на неловких руках впервые зашедшего в церковь крестного отца.

Старуха знала наизусть все службы.

– Ты, матушка, у меня не просто верующая, ты профессионально верующая, – говорил ей наш настоятель отец Михаил.

– А почему ты, – сурово вопрошала старуха, – почему на проскомидии не успеваешь читать поминания?

– Матушка, – вздыхал отец Михаил, – с благодарностью и смирением принимаю упрек, но посмотри, сколько записок.

– Раньше вставай, – сурово отвечала старуха. – А то чешешь, чешешь, людей же поминнаешь. Чего это такое: такой-то и иже с ним. Чего это за имя – «иже с ним»? У тебя-то небось имя полное – отец Михаил, и они, грешные, не «иже с ним». Ничего себе имечко. Вот тебя

бы так обозвали. Мученики не скопом за Христа мучились, каждый отдельно за Господа страдал. – Она крестилась.

– Прости, матушка, – терпеливо говорил отец Михаил.

– Бог простит, – сурово отвечала вредная старуха. Во время службы, когда выносилось для чтения Святое Евангелие и раздавалось: «Вонмем!» – старуха окаменевала. Но могла и ткнуть в бок того, кто шевелился или тем более разговаривал. Стоящая за свечным ящиком Варвара Николаевна тоже опасалась старухи и не продавала свечи, не принимала записок во время пения «Херувимской», «Символа веры», «Отче наш», «Милость миру». Она бы и без старухи не работала в это время, но тут получалось, что она как бы под контролем.

Прихожан старуха муштровала как унтер-офицер. Для нее не было разницы, давно или недавно ходит человек в церковь. Если видела, что свечи передают левой рукой, прямо в руку вцеплялась, на ходу свечу перехватывала и шипела: «Правой, правой рукой передавай, правой!» И хотя отец Михаил объяснял ей, что нигде в Уставах Церкви не сказано о таком правиле, что и левую руку Господь сотворил, старуха была непреклонна. «Ах, матушка, матушка, – сетовал отец Михаил, – у тебя ревность не по разуму».

Когда старуха дежурила у праздничной иконы, или у мощей преподобномучеников, или у плащаницы, то очереди молящихся стояли чинно и благолепно. Когда, по мнению старухи, кто-то что-то делал не так, она всем своим видом показывала этому человеку все его недостоинство. Особенно нетерпима была старуха ко вновь приходящим в храм, к молодежи. Женщин с непокрытыми головами она просто вытесняла, выжимала на паперть, а уж тех, кто заскакивал в брюках или короткой юбке, она ненавидела и срамила. «Вы куда пришли? – неистово шептала она. – На какую дискотеку? Вы в какие это гости явились, что даже зачехлиться не можете, а?!»

А уж намазанных, наштукатуренных женщин старуха готова была просто убить. Она очень одобрила отца Михаила, когда он, преподавая крест по окончании службы, даже отдернул его от женщины с яркой толстой косметикой на лице и губах. «Этих актеров, – говорила старуха, – убить, а ко кресту не допускать».

А еще мы всегда вспоминаем, как старуха укротила и обратила в веру православную одного бизнесмена. Он подъехал на двух больших серых машинах (цвета мокрого асфальта, говорили знающие), вошел в храм в своем длинном кожаном пальто с белым шарфом, шляпу, правда, снял. Вошел таким начальником, так свысока посмотрел на всех нас. А служба уже кончилась, прихожане расходились.

– Где святой отец? – резко и громко сказал незнакомец. – Позовите.

– Какой святой отец? – первой нашлась старуха. – Ты нас с католиками не путай. У нас батюшка, отец Михаил.

Отец Михаил, снявши в алтаре облачение, шел оттуда в своей серой старенькой рясочке. Незнакомец картинным жестом извлек пачку заклеенных купюр и, как подачку, протянул ее отцу Михаилу:

– Держи, святой отец!

– Простите, не приму. – Отец Михаил поклонился и пошел к свечному ящику.

Оторопевший незнакомец так и стоял с пачкой посреди храма. Первой нашлась старуха.

– Дай сюда, – сказала она и взяла пачку денег себе.

– Тебе-то зачем? – опомнился незнакомец. – Тут много.

– Гробы нынче, милый, дорогие, гробы. На гроб себе беру. И тебя буду поминать, свечки за тебя ставить. Ты-то ведь небось немощный, недокормленный, до церкви не дойдешь, вот за тебя и поставлю. Тебя как поминать? Имя какое?

– Анвар, – проговорил незнакомец.

– Это некрещеное имя, – сурово сказала старуха. – Я тебя буду Андреем поминать. Андреем будешь, запомни. В Андрея крестись.

Крестился или нет, переменял имя или нет этот бизнесмен, мы не знаем. Знаем только, что деньги эти старуха рассовала по кружкам для пожертвований. Потом отец Михаил, улыбаясь, вспоминал: «Отмыла старуха деньги демократа».

Непрерывно впадая в грехи осуждения, старуха сама по себе была на удивление самоукорительна, питалась хлебушком да картошкой, в праздники старалась сесть с краю, старалась угадать не за стол, а на кухню, чтоб стряпать и подавать. Когда к отцу Михаилу приходили нужные люди и их приходилось угощать, старуха это понимала, не осуждала, но терпела так выразительно, что у отца Михаила кусок в рот не лез, когда старуха приносила с кухни и брякала на стол очередное кушанье.

Был и еще грех у старухи – грех гордости своей внучкой. Внучка жила в другом городе, но к старухе приезжала и в церковь ходила. Она была студентка. Помогала старухе выбивать коврики, зимой отскребать паперть, а летом... а летом не выходила из ограды: они обе очень любили цветы.

Церковный двор у нас всегда благоухал. Может, еще и от этого любили у нас крестить, что вокруг церкви стояли удобные широкие скамьи, на которых перепеленывали младенцев, а над скамейками цвели розовые и белые кусты неизвестных названий, летали крупные добрые шмели.

На Пасху к нам приезжал архиерей. Конечно, он знал нашу строгую старуху и после службы, когда на прощание благословлял, то сказал старухе, улыбаясь: «Хочу тебя задобрить», – и одарил старуху нарядным платком, на котором золотой краской был изображен православный храм и надпись: «Бог нам прибежище и сила». Именно такими платками уже одаривал старух отец Михаил, но мы увидели, как обрадовалась старуха архиерейскому подарку, и поняли – свой платок она отдаст внучке.

И вот ведь что случилось. Случилось то, что приехала внучка, примерила платок перед зеркалом, поблагодарила, а потом сказала:

– А я, бабушка, в наш храм больше не пойду.

– Почему? – изумилась старуха. Она поняла, что внучка говорит о том храме, в городе, где училась.

– А потому. Я так долго уговаривала подругу пойти в церковь, наконец уговорила. Не могла же я ее сразу снарядить. Пошла, и то спасибо: она из такой тяжелой семьи – отец и братья какие-то торгаши, она вся в золоте, смотреть противно. А я еще тем более была рада, что к нам в город американский десант высадился, пасторы всякие, протестанты, баптисты...

– Я бы их грязной шваброй!

– Слушай дальше. Они заманивали на свои встречи. Говорят: напишете по-английски сочинение и к нам поедете в гости. И не ввали. Подруга написала – она ж английский с репетиторами, – написала и съездила. Ей потом посылка за посылкой всякой литературы. Тут я говорю: «Людка, ты живи как хочешь, но в церковь ты можешь со мной пойти для сравнения?» Пошли. И вот, представляешь, там на нас такая змея выскочила, зашипела на Людку: «Ты куда прешься, ты почему не в чулках?» А Людка была в коротких гольфах. Ты подумай, баб, прямо вытолкала, и все. Людка потом ни в какую. Говорит, в Америке хоть в купальнике приди, и ничего. И как я ее ни уговаривала, больше не пошла.

– В купальнике... – пробормотала старуха. И заходила по комнате, не зная, что сказать. Ведь она слушала внучку, и будто огнем ее обжигало, будто она про себя слушала, будто себя со стороны увидела. А она-то, она-то, скольких она-то отбила от Божьего храма! «Господи, Господи, – шептала старуха, – как же Ты, Господи, не вразумил меня, как терпел такую дуру проклятую?»

Внучка пошла по делам, а старуха бросилась на колени перед иконами и возопила:

– Прости меня, Господи, неразумную, прости многогрешную!

И вспомнилось старухе, как плакали от нее другие уборщицы, от ее немых, но явных упреков, ведь которые были ее и постарше, и слабее, а Богу старались, как могли, потрудиться, а она их вводила в страдания. Старуха представила, как ее любимую внучку изгоняют из храма, и прямо-таки вся залилась слезами.

А она-то, она-то! Да ведь старуха как в какое зеркало на себя посмотрела! Были, были в ее жизни случаи, когда она так же шипела, как змея – прости, Господи, – на молоденьких девчонок в коротких юбках или простоволосых. Где вот они теперь, миленькие, кто их захороводил?

И вспомнила старуха, как однажды, в престольный праздник, прибежала в храм и бросилась на колени перед распятием женщина и как старуха резко вцепилась ей в плечо: «Разве же встают в праздник на колени?» – и как женщина, обращая к ней залитое светлыми слезами лицо, торопливо говорила: «Матушка, ведь сын, сын из армии вернулся, сын!»

А как однажды она осудила женщину, другую уже, за то, что та уходила из храма после «Херувимской». И как эта женщина виновато говорила ей: «Свекор при смерти».

А как она осуждала товарок за то, что уносят домой принесенные в храм хлеб и печенье. Конечно, их всегда им раздавали, но старуха осуждала, что берут помногу. А может, они соседям бедным несли или нищим, сейчас же столько нищеты...

– Боже, Боже, прости меня, неразумную, – шептала старуха. А большее всего ей вспоминалось одно событие из детства. Было ей лет десять, она позавидовала подругам, что у них пальто с воротниками, а у нее просто матерчатое. И пристала к отцу. А отец возьми да и скажи: «Надо воротник, так возьми и отнеси скорняку кота». Был у них кот, большой, красивый, рыжий, в лису. И вот она взяла этого кота и понесла. И хоть бы что, понесла. Кот только мигал и щурился. Скорняк пощипал его за шерсть на лбу, на шее, на спинке, сказал: «Оставляй». И был у нее красивый воротник, лучше всех в классе.

– Ой, не отмолиться, ой, не отмолиться! – стонала старуха.

К вечеру внучка отваживалась с нею, давала сердечные капли, кутала ноги ее в старую шаль, читала по просьбе старухи Псалтырь.

И с той поры нашу старуху как перевернуло. Она упросила внучку привезти на следующие каникулы подругу, вместе с ними оставалась после службы на уборку, и уже не было такого, чтоб кто-то терпел от нее упреков или укоризны.

А еще вот что сделала старуха. У нее была хорошая белая ткань с пестренькими цветочками – ситец. Хранила его старуха на свою смерть. А тут она выкроила из ткани десятков головных платков разной величины, принесла в церковь, отдала Варваре Николаевне за свечной ящик. И когда какая женщина или девушка приходила в наш храм с непокрытой головой, та же старуха просила ее надеть платок.

А звали нашу старуху тетя Маруся. И платочки ее с тех пор так и зовут – тети-Марусины.

Первое слово

В доме одного батюшки появился и рос общий любимец, внук Илюша. Крепкий, веселый, рано начал ходить, зубки прорезались вовремя, спал хорошо – золотой ребенок. Одно было тревожно: уже полтора года – и ничего не говорил. Даже к врачу носили: может, дефект какой в голосовых связках? Нет, все в порядке. В развитии отстает? Нет, и тут нельзя было тревожиться: всех узнавал, день и ночь различал, горячее с холодным не путал, игрушки складывал в ящичек. Особенно радовался огонечку лампы. Все, бывало, чем бы ни был занят, а на лампадку посмотрит и пальчиком покажет.

Но молчал. Упадет, ушибется, другой бы заплакал – Илюша молчит. Или принесут какую новую игрушку, другой бы засмеялся, радовался – Илюша и тут молчит, хотя видно – рад.

Однажды к матушке пришла ее давняя институтская подруга, женщина шумная, решительная. Села напротив матушки и за полчаса всех бывших знакомых подруг и друзей обсудила-пересудила. Все у нее, по ее мнению, жили не так, жили неправильно. Только она, получалось, жила так, как надо.

Илюша играл на полу и поглядывал на эту тетю. Поглядывал и на лампаду, будто советовался с нею. И вдруг – в семье батюшки это навсегда запомнили – поднял руку, привлек к себе внимание, показал пальчиком на тетю и громко сказал: «Кайся, кайся, кайся!»

– Да, – говорил потом батюшка, – не смог больше Илюша молчать, понял, что надо спасать заблудшую душу.

Потом думали, раз заговорил, то будет много говорить. Нет, Илюша растет молчаливым. Хотя очень общительный, приветливый. У него незабываемый взгляд: он глядит и будто спрашивает – не тебя, а то, что есть в тебе и тебе даже самому неведомо. О чем спрашивает? Как отвечать?

Объявление на столбах

Вспоминаю одного подростка, и он никак не уходил из памяти. Хотя случай самый, к несчастью нашему, обычный – его родители жили немирно друг с другом, ссорились, дело шло к разводу. Мальчик любил родителей и очень, до слез, страдал от их ссор. Но и это их не вразумляло. Наедине с каждым, мальчик просил их помириться, но и отец и мать говорили друг о друге плохо, а мальчика старались завлечь на свою сторону. «Ты еще не знаешь, какой он подлец», – говорила мать, а отец называл ее дурой. А вскоре, уже и при нем, они всячески обзывали друг друга, не стесняясь в выражениях. О размене их квартиры они говорили как о деле решенном. Оба уверяли, что мальчик ни в чем не пострадает: как была у него тут отдельная комната, так и будет. С кем бы он ни жил. И что он всегда сможет ходить к любому из них. Они найдут варианты размена в своем районе, не станут обращаться в газету, а расклеят объявления сами, на близлежащих улицах. Однажды вечером мать пришла с работы и принесла стопку желтых листочков с напечатанными на них объявлениями о размене квартиры. Велела отцу немедленно идти и их расклеивать. И клей вручила, и кисточку.

Отец тут же надернул плащ, схватил берет и вышел.

– А ты – спать! – закричала мать на сына.

Они жили на первом этаже. Мальчик ушел в свою комнату, открыл окно и тихонько вылез. И как был, в одной рубашке, побежал за отцом, но не стал уговаривать его не расклеивать объявления, он понимал, что отец не слушает, а крался, прячась, сзади и следил. Замечал, на каком столбе, или заборе, или на остановке отец прилеплял желтые бумажки, выжидал время, подбегал к ним и срывал. С ненавистью комкал объявления, рвал, швырял в урны, топтал ногами, как какого-то гада, или бросал в лужи книзу текстом. Чтоб никто даже и не смог прочесть объявления.

Так же незаметно вернулся в дом. Наутро затемпературил, кашлял. С ним родители сидели по очереди. Он заметил, что они перестали ругаться. Когда звонил телефон, снимали трубку, ожидая, что будут спрашивать о размене квартиры. Но нет, никто не спрашивал.

Мальчик специально не принимал лекарства, прятал их, а потом выбрасывал. Но все равно через неделю температура выровнялась, врачиха сказала, что завтра можно в школу.

Он подождал вечером, когда родители уснут, разделся до майки и трусов и открыл окно. И стоял на сквозняке. Так долго, что сквозняк и они почувствовали. Первой что-то заподозрила мама и пришла в комнату сына. Закричала отца. Мальчику стало плохо. Он рвался и кричал, что все равно будет болеть, что пусть умрет, но не надо разменивать квартиру, не надо расходиться. Его прямо било в приступе рыданий.

– Вам никто не позвонит! – кричал он. – Я все равно сорву все объявления! Зачем вы так? Зачем? Тогда зачем я у вас? Тогда вы все ввали, да? Ввали, что будет сестричка, что в деревню все вместе поедет, ввали? Эх вы!

И вот тогда только его родители что-то поняли.

Но дальше я не знаю. Не знаю и врать не хочу. Но то, что маленький отрок был умнее своих родителей, это точно. Ведь сходились они по любви, ведь такой умный и красивый сын не мог быть рожден не по любви. Если что-то потом и произошло у них в отношениях, это же было не смертельно. Если уж даже Сам Господь прощает грехи, то почему мы не можем прощать друг другу обиды? Особенно ради детей.

Между землей и небесами

*Разбужу царя в Москве,
Утешу старца в келье,
Дитя в колыбели,
Мертвеца в земле.
По воздуху летает, к себе призывает.*

Загадки о колоколе

Наша любимая Россия необъятна и непостижима. Когда в Калининградской области заканчивают вечернюю службу, на Камчатке звонят к утренней. Тут вечер, там утро, и это все в одно и то же время. Но это для нас есть время, а у Господа его нет, Он в вечности. У Господа все враз – и наше прошлое, и летящее настоящее, и будущее. Ведь и у нас не было понятия времени до грехопадения. По своей вине мы стали смертны. Не вразумились ни потопом, ни разрушением Вавилонской башни, ни огнями Содома и Гоморры. Но велика любовь Отца Небесного к Своим творениям – Единосущный Сын Божий взошел на Крест, взял на себя наши грехи и открыл дорогу к возвращению в вечность. Это главная Божия милость – возможность спасения души. Но душу без Церкви Христовой спасти невозможно. А что такое Церковь? Это молитва. А кто зовет к молитве? Колокола. И как представить Россию без колокольного звона? Это невозможно, это все равно что небо без солнышка. Не случайно же памятник Тысячелетия Крещения Руси в Великом Новгороде сделан в форме колокола.

А нечистая сила боялась колокольного звона. Все в России знали пословицу: «Ехал бес в Ростов, да испугался крестов», то есть знаменитых ростовских церквей. А пуще того испугался колокольного звона знаменитой звонницы Успенского собора в Ростовском кремле. Высокая, на четыре сквозные арки, и в каждой свой набор колоколов. Когда колокола благовестили на Пасху и другие праздники, ликовали сердца, хорошили лица, высветлялись души.

Обезголосели наши храмы после революции. Редко-редко прорывался их голос по большим праздникам. Но даже и это досаждало бесам, и в 1930 году колокольный звон был полностью запрещен. До слез, до боли сердечной доводят страшные кадры документальной хроники – разрушение храмов. Как от фашистской бомбежки, оседают стены храмов, взвивается прах и пыль. Но особенно невыносимо видеть, как с колоколен свержаются колокола, беспомощно переворачиваются в воздухе, ударяются о землю, издают последний стон и разламываются на куски.

И все это запредельное варварство преподносилось как исполнение воли народа. Составлялись от имени трудящихся (все, конечно, подтасовывалось) петиции, что колокольный звон мешает отдыхать трудящимся очередной пятилетки или же препятствует выздоровлению. Так, в Свято-Даниловом монастыре была больница, и больные якобы жаловались, что им от колокольного звона становится плохо. И замолчали колокола, и что же? Больные стали умирать гораздо дружнее, чем до этого.

Уже в наше время ученые доказали то, что православные давно знали – колокола не только не мешают здоровью человека, а улучшают и оберегают его. Частота колебания колокольных звуков смертельна для заразных микробов. История хранит сведения, когда напасти холеры, чумы, сибирской язвы обходили те города, села, приходы, где исправно звонили колокола.

Да что говорить, сказано поэтом: «Чем ужасней бешенство стихий, тем слышней набат на колокольных».

Как можно без колоколов, как? Вот ночь, метель, буря – как же в такой завихрухе не сбиться с пути? Батюшка посылает звонаря или сам поднимается на колокольню и звонит, звонит, посылая путникам и ездокам сигнал о спасении. Этот звон – как маяк для моряков в штормовую погоду.

Вот старинная и навсегда верная пословица о благовесте: «Первый звон – с постели вон, второй звон – из дому вон, третий звон – в церкви поклон».

У нас в селе была бесстрашная старуха, задолго до тысячелетия Крещения Руси требовала открытия храма, который занял дом культуры.

– Какая культура? – кричала она секретарю райкома. – Бесы пляшут, – это культура? Верни звон! Вон, у петуха голова во сколь раз меньше твоей, а понимает больше тебя: встало солнышко – поет.

В конце восьмидесятых служба возобновилась. И какие у нас были колокола? Та же женщина где-то разузнала, что можно использовать большие газовые баллоны. Да, их звук был и глуховат, и резок, но они как могли помогали людям жить в Боге в душе. И тогда же начали собирать копеечки на покупку колоколов. И насобирали! И люди отдавали их на колокола гораздо охотнее, нежели на другое. Истосковалась душа по небесным звукам.

И ударили на Пасху колокола! Звенели, выговаривали: «Все идите в гости к нам, в гости к нам!». Или старинное: «Тень-тень, потетень, выше города плетень, а на том плетне петух-лепетун». Эта загадка-скороговорка как раз о колоколе.

Вернулись и свадебные звоны, и звоны ко встрече архиерея, и, конечно, печально-редкие звоны прощания. Но как раз они помогали легче переносить скорбь утраты.

А пасхальным звоном-трезвоном предшествовали звоны великопостные. А четкие звоны четверговой службы «Двенадцать Евангелий»... И теперь вновь возвращается понимание слов из русской классической литературы: «Мы опоздали, уже звонили к «Достойно есть»».

В письмах монаха Сергия Святогорца описывается прибытие на Святую гору Афон русских колоколов: «Греки не знали такого дива... Когда загудели колокола в стройных русских тонах и металлическая игра их отозвалась в далеком эхе и мелодических замирающих звуках по скатам прибрежных холмов и соседних гор, греки были вне себя от радости и удивления».

Но это воспоминание из первой половины XIX века. А потом была уже грустная «колокольная» история. О ней рассказал писатель-эмигрант Владимир Маевский в книге об Афоне, вышедшей в Париже в 1950 году:

«Где-то внизу, за неподвижными силуэтами кипарисов и каштанов, внезапно раздался удар колокола. Удар настолько гулкий и мощный, что порожденный им звук как бы сразу наполнил собою всю окрестность. Колокол, породивший этот звук, был, несомненно, настоящим богатырем среди ему подобных, подлинным великаном, столь близким русскому сердцу. Ухнув впервые, он вслед за первым ударом послал в пространство второй, за вторым – третий. А затем все последующие удары стали сливаться в одну сочную мелодию чудесной колокольной музыки. Рождаясь где-то очень далеко внизу, эта музыка, тотчас же нарастая, невидимыми волнами возносилась вверх, разливалась по всей Святой горе и затем постепенно и тихо таяла в просторах Эгейского моря. Очарование, меня окружавшее, увеличилось вдвое. Теперь я слышал не только едва уловимое монашеское пение, доносившееся из полутемного храма. Теперь с ним чудесно соединялась и эта новая, могуче-прекрасная мелодия, порожденная металлом невидимого колокола-гиганта, так властно напомнившего мне о иных, ему подобных, колоколах, оставшихся где-то далеко, на столь милой, великой и столь многострадальной родине».

Да, это был русский колокол, но он был пленен греческими властями и отдан греческому монастырю, хотя был послан в дар русским монахам из России. Но с нами на Афоне не считались. У нас не было Патриарха, только Синод. А тут война, тут революция. Еще диво див-

ное, Божия милость в том, что выжило русское присутствие на Афоне. И поныне Святую гору оглашают русские колокола.

Как же я был счастлив увидеть в Андреевском скиту колокола – дар Афону вятских купцов Бакулевых, моих земляков. Время, разрушающее скалы, дома, денежные и государственные системы, ничего не смогло сделать с искусным литьем, узорами и надписями. Но главное – сохранилась чистота звука.

А еще из афонских колокольных звонов вспоминаются маленькие колокольчики. Это их трели оглашают в темноте ночи коридоры монастырских гостиниц. Зазвенели они – значит, сейчас ударит колокол. Они похожи на валдайские поддужные колокольчики. Те говорят о дороге – и эти, монастырские, тоже. Здесь, в монастыре, они озвучивают путь к Богу.

Высоким слогом говорит митрополит Илларион в «Слове о Законе и Благодати» о приходе веры православной в Русскую землю:

Во единое время вся земля наша восславил Христа
Со Отцом и со Святым Духом.
Тогда начал мрак идольский от нас отходить,
Зори благовестия явились,
Тьма бесовская погибла,
Слово Евангельское землю осветило.
Капища разрушались, церкви возводились,
Идолы сокрушались, а иконы святых являлись,
Бесы убегали – Крест грады освятил.
Апостольская труба и евангельский гром
Всю Русь огласили,
Фимиам, Богу воскуряемый, очистил воздух.

Апостольская труба и евангельский гром – это в том числе и о колокольном звоне.

Историки приводят факты, когда колокола в тяжелые годы нашествия врагов снимали с колоколен и переплавляли на пушки. Но пора говорить и о том факте, что, бывало, и пушки переплавляли на колокола. То есть исполнялось евангельское: перекуем мечи на орала (плуги).

И учебники истории искусств не должны обходить показ значения колокольного звона в искусстве. Как слушать оперу Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за царя» без финального триумфального колокольного торжества? А незабываемая симфония Петра Ильича Чайковского «1812 год». И симфония Сергея Васильевича Рахманинова «Колокола». Нет числа таким примерам.

В специальной литературе можно найти множество сведений о производстве колоколов, о сплавах металла, о том, как и в какой пропорции составляются медь и олово и сколько нужно для улучшения звучания добавить серебра, но разве думаешь об этом, когда ударяет колокол и рука сама взлетает ко лбу для крестного знамения.

Три истории о колоколах

Первая. Как человека, меня тянет в места детства, а как гражданина – в места, где свершались великие события моего Отечества. А уж что говорить о величии Херсонеса, откуда от апостола Первозванного Андрея и от равноапостольного Великого князя Владимира пошло по Руси сияние христианства. Первый раз я был там в 1965 году, а потом уже в восьмидесятые.

Херсонес был в развалинах. Все валили на войну, но восстанавливать храм не хотели. Шли раскопки. Висящий на перекладине колокол был безъязыким, хотя уже одно его присутствие украшало и оживотворяло берег. Ведь это не просто место Крещения святого князя Владимира, тут тысячам людей было явлено Божие чудо. В русско-французскую (она же и русско-английская) войну святитель Московский и Херсонский Иннокентий служил закладной молебен у места Крещения. Вражеская эскадра подошла и прямой наводкой обстреливала собравшихся моряков, солдат, жителей Севастополя. А закладка храма – это не пять минут. Это проскомидия, литургия, водосвятный молебен и собственно закладной. Самое малое – часа четыре. А пушки бьют, а снаряды рвутся. А люди молятся. И ни один из снарядов не попал! Ни один!

А потом цивилизованные французы украли русский колокол в Херсонесе и увезли в Париж, в собор Парижской Богоматери, в тот, где по периметру его стоят изображения нечистой силы.

Предание говорит, что колокол там молчал, ибо католики иначе звонят в колокола, он у них там весь раскачивается, то есть ббльшее ударяет в меньшее, не как у нас, раскачивается только язык, вызывая к звучанию стенки колокола.

Спустя годы русский корабль ошвартовался в Марселе. Моряки поехали в Париж, а там пошли не по кабакам, быстро, как любят говорить о них, а, чисто по русскому уважению к культуре чужой страны, посетили главный собор Франции. Глядят – колокол. «Братцы, это же наш. Братцы, да он же из Херсонеса!» И недолго думая моряки, никого не спрашивая, ибо возвращали уворованное, сняли колокол, наняли лошадей и увезли в Марсель. А там на корабль – и на родину.

Печально было на раскопках. Опавшие листья тихо отзывались мелким каплям дождя, остатки мозаики светились под ногами. Вот и крещальня. Вся она была завалена ветками, бутылками, банками, пробками, всякой пластмассой. Нашел фанерку, стал чистить. Вдруг раздались звуки колокола, но какие-то неровные, странные. Поднялся, увидел, что это мальчишки бросают камешки в колокол. Он отзывался, как бы даже говорил с ними. Увидев меня, они убежали, может подумали, что я охранник, или еще что. А один, самый маленький, мальчик не убежал. Он все не мог добросить свои камешки до колокола. Я приподнял мальчика на руки – и он наконец попал. Я же нашел длинную палочку и с ее помощью огласил берег призывом к молитве. Так мне казалось. Уж очень было скорбно тогда – разруха и запустение.

Но вот же – вознесся храм, звучат в согласье с небесами его колокола.

История вторая. Она из Смутного времени, и она описана многократно. Просто напомним. В Угличе прервалась монархическая цепь, был убит наследник престола царевич Димитрий. Неслыханное дело. Толпа самосудом растерзала убийц. Церковный колокол возвещал о страшном событии. А комиссия Годунова приговорила: сослать угличский колокол в Тобольск. И жители Углича на себе повлекли его в Сибирь. Как это понять, как представить? Колокол вначале били плетью, вырвали язык. Сделали специальные дроги, впряглись в оглобли и повлекли... на долгие-долгие дни, недели, месяцы.

И вот это особенно дивно сейчас, что колокол, если он как человек несет наказание, то является живым, мыслящим, способным самостоятельно совершать поступки. А тогда это никого не удивляло. Это как Крест Господень – Он не вещество, а существо.

История третья. Она произошла на Святой земле. Начальник Русской Духовной миссии архимандрит Антонин Капустин свершил великое дело – над Елеонской горой, над всем Иерусалимом поднялась колокольная – Русская свеча. И представить без нее Святую землю невозможно. Именно здесь вознесся в отверстое небо Иисус Христос, отсюда началось апостольское

оглашение земель и народов, именно здесь начались последние времена. И с конца XIX века возвещает о них русский Елеонский колокол.

Привезли колокол по морю и по суше из далекой Руси. Доставили на корабле в Яффу, перегрузили на берег, а дальше начался многодневный подвиг – в телегу с колоколом (есть снимки) впряглись паломники. За великую честь считали они тащить непомерную тяжесть. Взяли колеса в песке, застревали в камнях. И был случай, который поразил и потряс иностранцев, – одну паломницу сильно придавило колоколом, повредило внутренности, и она умерла. У нее сияло лицо, она радостно говорила всем, что Господь удостоил ее великого счастья – потрудиться во славу Его и пойти к Нему из Святой земли.

История же снятия, увоза и возврата колоколов Свято-Данилова монастыря тоже широко известна. Московские предания сохранили выражение «Даниловские малиновые звоны». Вся страна радовалась их возвращению. Будто из долгого плена, из чуждедальной стороншки вернулись родные до боли глашатаи молитвы. Москвичи шли в монастырь, когда колокола стояли еще на подставках на земле, чтобы хотя бы прикоснуться к ним, погладить, постучать костяшками пальцев и услышать слабый приветливый отклик.

Нет, не смогли они звучать за океаном так, как у нас. Воздух не тот, облака не те, не те молитвы. А пытались. И даже приглашали специалиста по колоколам Константина Сараджева. Именно он, в начале 30-х, в разгар борьбы с колокольным звоном, предлагал оборудовать «музыкальную колокольную», обещая, что на ней будет до ста различных звонов. Может быть, большевики избавлялись от Сараджева. Но и американцам не понравился мастер, не тот у него был «имидж». И одевается кое-как, и среди ночи может заиграть на пианино, а уж как грубо обращается с металлом колоколов! И напильником пилит, и молотком по зубилу лупит. А вначале заставляет греметь самый большой колокол. Говорит, что под него звучание подстраивает. Да так круглые сутки.

Нерадивые студенты стали сваливать отставание в учебе на звон колоколов. Пресса писала о гражданских правах учащихся. И что? И заболел мастер, и вернулся в Россию. А в России ожидало известие: колокольный звон окончательно запрещен. Как такое вынести? Всего в сорок два года раб Божий Константин Сараджев скончался. Как гимн колокольному звону звучат слова из его сохранившейся в отрывках рукописи: «Сила природных звучаний в их сложнейших сочетаниях не сравнима ни в какой мере ни с одним из инструментов – только колокол в своей звуковой атмосфере может выразить хотя бы часть величественности и мощи, которая будет доступна человеческому слуху в будущем. Будет! Я в этом совершенно уверен. Только в нашем веке я одинок...»

Тончайшие нюансы органной музыки, классика – все подвластно симфоническому богатству колокольного звона. И все же главное в колоколах – их ведущая роль в помощи молитве. В 60-е, когда все храмы Золотого кольца были переделаны под музеи и рестораны, иностранцам демонстрировались колокольные звоны Суздаля и Ростова Великого. Даже, помню, была такая пластинка – крохотный гибкий кружок с записанными звонами. Достать его было невозможно. К прискорбию, делали пластинку, конечно, для иностранцев.

Но вот и мы дождались. И радостно говорил в том же Суздале знаменитый звонарь Павел Павлович Павлов: «Хватит нам только туристов тешить, пора и Богу служить». Но и туристов и тогда, и доселе поражает проникающая до сердца мощь благовеста. И пасхальные трезвоны-перезвоны, когда на колокольную поднимаются и стар и млад, и всем разрешено Бога славить. А уж как Павел Павлович на Пасху ударял-выговаривал: «Барыня, барыня, барыня-сударыня!».

Дивный цветок – скромный колокольчик. Голубенький, как небо, он качается на нитке стебля, напоминая о том колоколе, которому дал форму. Такое ощущение, что колокол растет лицом к земле, а корни его в небесах. Именно оттуда он приносит надмирные звуки для спасения души.

Между небесами и землей плывет над Россией спасающий, очищающий колокольный звон. Помогает подняться от суеты дня, от житейских забот, обратиться к грядущей вечности. Но ее надо заслужить.

О, русская земля!

*Церковь закрыли в двадцать седьмом,
Школу в две тысячи пятом.*

Светлана Сырнева

В деревне Ивановка, а таких у нас были тысячи, жили старик и старуха. Жизнь прошла долгая, много всего пережили. Муж – участник войны, боевой старшина. Вернулся – грудь в крестах. То есть в орденах и медалях. Вот только здоровье все истратил, даже и левую ногу оставил в немецкой земле. Вернулся инвалидом. Но и косил, и пахал, рыбачить любил. Детей трое. И все дочери. Первую назвали Верой – в память о рано умершей матери мужа, вторую – Надеждой, в честь матери старухи. Ну, а уж третья, само собой, стала Любовью. Хорошие выросли девочки, красивые, добрые. Но вышли все замуж далеко от дома, в областной город. Звали стариков к себе. Старуха и рада б была, но старик ни в какую: «Тут родился, тут помру. А ты давай поезжай». Но куда она без него?

Деревня Ивановка умирала. Не сама умирала, а ее убивали. Убили колхоз, убили и попытки выжить своим хозяйством. Вырастишь поросенка – перекупщики тут как тут. Берут живым весом, то есть за копейки. Не соглашаешься – вези на рынок сам, сам и продавай. А на рынке: за место плати, за клеймение ветнадзору плати, да еще ходят по рядам кавказские вымогатели, им плати. За что? За то, что русский, за то, что осмеливаешься выжить, все никак не очистишь от себя Россию. От них откупишься – появляется родной господин полицаи, ему плати. Много ли домой привезешь? Спасались пенсиями. Даже и дочкам иногда урывали. Трудно все они жили. «Вы, папа и мама, воспитали нас честными, – говорили они, приезжая, – а как сейчас честным? Честные сейчас все бедные».

Еще у стариков была причина для огорчений – сосед Панька. Знали его с малых лет, он даже за их младшей дочкой ухаживал. Но она его резко отворотила, когда увидела, что он выпивает и употребляет наркотики. К наркоте этой его как раз кавказцы и приучили. Панька постоянно приходил, постоянно цыганил «на пузырьки»: «Спасите! Не выпью – подохну». Вначале старик пытался отбить его от пьянки, от наркоте, подолгу говорил с ним, но зараза оказалась сильнее, и Панька окончательно пропал. Пропил у себя все, что можно было пропить, только телевизор не вынес. Телевизором дорожил. Легко находил в нем какую-нибудь похабщину или уголовщину и смотрел. Называл телевизор учебником жизни.

Старик болел все тяжелее. В Ивановке, окончательно ее уничтожая, власти оставили только магазин со спиртным и консервами, а медпункт и начальную школу ликвидировали. А школы и медпункта нет, работы нет – куда жителям деваться? Старики умирали, молодежь уходила. В районную больницу ездить было далеко. Старуха все-таки настояла, чтоб туда поехать, хотела сдать мужа на стационар, но его не взяли. Хоть и участник войны, но сказали: «Что вы хотите – возраст», а одна врачиха, брюнетка в золотых очках, даже весело пошутила: «От старости лекарства нет». Хотя какие-то витамины прописала.

Витамины лежали на виду, на столе, их в тот же день стащил Панька. Больше некому, только он и заходил, кланчил на пиво.

Старик мужался, не жаловался, но видно было – гаснет. Ел очень мало, через силу. Хотя старуха всяко старалась разнообразить питание. Все-таки картошка своя, без нитратов, как и свекла и морковь, ими питались. Сухофрукты, присланные одной из дочерей, заваривала. Как-то жили. К концу зимы старик уже и на крыльцо не выходил. Старуха попросила Паньку наловить рыбки, уж очень любили они уху. Но даже и это Панька не сумел. Сумел только урвать денег на бутылку, вроде как аванс.

Старик, видимо, знал, когда умрет. Он вечером как-то особенно посмотрел на жену, на красный угол с иконами, потом прикрыл глаза, полежал немного, опять их открыл и тихо сказал:

– Земля оттаивает.

Это потом старуха поняла, что старик думал о том, что легче будет могилу копать. Она свою догадку дочерям рассказала, когда те приехали на похороны.

– Под утро чего-то я как-то сильно вздрогнула, вроде как кто в окно стукнул. Окликнула его – молчит. Тогда к нему подошла, он уж готов. И руки сам сложил крест-накрест. Мне бы раньше сообразить, что к чему. Не зря же он вечером попросил рубаху переодеть. А у меня в комодке рубахи лежали. Чистые, стиранные. А эта белая, ненадеванная. И у меня сама рука за ней потянулась. Значит, и мне знак был, а я-то, я-то... – Голова у старухи затряслась, слезы полились. – Без меня ушел, не дождался...

– Мама, прекрати, – строго сказала старшая Вера, – сейчас вообще время вдов, а не вдовцов. Подумай: а как бы он был без тебя? Будешь жить у нас по очереди.

– Ой, нет-нет. Куда я от могилки, куда? Никому в тягость жить не хочу. Деточек летом посылайте. Ой, жалко как, не видели они деда с орденами. Такой ли герой! Его ведь всегда в школу на Девятое мая приглашали. Мы вначале на пиджак ордена нацепляли, мне он показывал, какие справа, какие слева, какие повыше, какие пониже. А я забываха, разве я запомню. Говорю: давай вообще не будем отстегивать, повесим на плечики. Так и висел до следующей Победы. Я его тканью укрывала. Да вот... – Старуха принесла тяжелый пиджак, сняла белую простынку.

От сияния орденов и медалей в избе стало светлее. Стали рассматривать. Было много медалей за взятие городов: Кенигсберга, Варшавы, Берлина, ордена Славы, Красной Звезды, медали «За отвагу», много юбилейных, уже послевоенных наград.

– Еще, говорил, была бы медаль за Прагу, как раз их из Берлина туда двинули. Двинулись, да под обстрел попали, тут-то и ногу отдернуло. Вот она, нашивка за тяжелое ранение. Я медали к празднику начищала суконкой, они еще сильнее горели. А все вместе такие тяжелые! Гляжу из зала – сидит мой муженек в президиуме, локтями в стол уперся – тянут же! Золото, да серебро, да бронза, еще бы!

– Может, в музей сдать? – спросили дочери.

– Ой, нет, – сразу сказала старуха. – Никому это нынче уже не надо. Пока живу, с ними буду, помру – забирайте.

На поминки дочери привезли всего, и старуха постряпала, а есть и пить некому. Стали вспоминать друзей отца – все уже там. Перебрали своих сверстников – никто в Ивановке, как и они, не живет. Со встречи все равно посидели хорошо, душевно. Даже негромко спели любимые песни отца: «По Муромской дороге», «Степь да степь кругом», «Славное море, священный Байкал», «Враги сожгли родную хату», «Раскинулось море широко», «Ох недаром славится русская красавица», другие.

– Он ведь у меня трезвенник был, – сказала старуха, – а вот иногда, очень редко, немножко больше нормы примет, встанет: «Мать, подпевай!» – да как грянет, и откуда голос берется, грянет: «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает!» Да. Письма все ваши перечитывал.

И еще долго сидели и поминали отца и мужа, и все добром. И как учил различать голоса птиц, как плавать учил, как любил расписываться в дневнике в конце недели. Дочери никак не могли решить, кого же из них любил больше. Каждая уверяла, что именно ее.

– Да чего хоть вы! – весело примиряла старуха, – любил всех без ума. Вот три пальца – укуси. Любому больно. Переживал за каждую. Придет из школы с родительского собрания: «Ну, мать, за наших невест краснеть не приходится». Конечно, страдал, что сына не получилось. Эх, говорил, мальчишка бы рыбачил со мной. Вас-то он некоторую к рыбалке не приучил.

– И как бы он, интересно, приучил, если тут огород, да корова, да поросенок? – спросила Вера.

– Зато мамины цветы на всю жизнь. У меня на участке с апреля по октябрь. – заметила Надя.

– Да он больше не из-за рыбалки страдал, из-за фамилии. Сын-то, говорил, хоть бы фамилию продолжил.

– А я продолжу! – сказала вдруг младшая Люба. – Не хотела говорить, сейчас надо. Мама, Вера и Надя знают, и ты все равно узнаешь. И не реви: я разошлась. И сама вернусь на папину фамилию, и сына запишу на нее же. Он же у меня Саша, Александр, в честь деда.

Старуха горестно помолчала:

– Чего ж теперь реветь? Кабы я чего могла исправить. А так...

Панька с друзьями выкопали могилу. Помогли и гроб опустить, и землей засыпали, и холмик нагребли, и временную табличку с фамилией поставили. Конечно им заплатили, конечно угостили. На поминках тоже с собой посадили. Панька выпил, осмелел и сказал младшей дочери, за которой ухаживал:

– А вот скажи, ведь ты не права, что меня тогда отшила. Это ты меня посадила на пьянку.

– Ладно, не болтай, нашел виноватую. Кто тебя заставляет дурью мучиться? Ты смотри тут без нас маме помогай.

– А как же! Вот именно что! А ты как могла подумать? – И не постеснялся сказать: – Ты не поможешь парней угостить? Стараются.

И в самом деле, назавтра, когда дочери уезжали, Панька с друзьями усердно взялись за дрова. Изображая усердие, громко кряхтели. Конечно были вознаграждены.

Дочери обещали в городе заказать отцу заочное отпевание, потом привезти с отпевания земельку и высыпать на могилу. Здесь-то негде было взять священника.

Поехали доченьки. Повез их на станцию тот же нанятый водитель, что и сюда привез. Мать крестила их вослед. Вернулась в дом – топоры брошены, в доме пьянка. Есть что допить, есть что доесть. Старуха вздохнула: как прогонишь? И могилу копали, и дрова кололи.

– Мать! За Иваныча!

Потом старуха вспомнила, какими глазами глядели они на украшенный наградами пиджак мужа. Вспомнить это пришлось очень скоро. Алкоголику и наркоману никогда не хватит ни водки, ни наркоты. Парни, конечно, понимали, что награды старика – это дело не копеечное, дорогое. Вон сколько по телевизору сюжетов о том, как крадут ордена у ветеранов. Продать их можно запросто. Продать – и пить, и пить, и пить.

Назавтра они пришли, стали просить награды вначале по-хорошему. Обещали и огород копать, и крышу починить. И старику оградку сделать. Старуха, конечно, не соглашалась. Но она даже и представить не могла, что они, известные ей с детства, решатся на воровство.

Не только решились, той же ночью залезли. Сон у нее тонкий, проснулась, поняла, закричала:

– Панька, ты? Да у меня же, дурак ты, топор под подушкой!

Никакого топора у нее не было, она со страху так закричала. Они поверили, испугались, убежали. А она на следующую ночь, теперь уже всерьез, принесла топор из сени и положила рядом.

И что это началась за жизнь, одни нервы. Из-за этих наркоманов и уходить из дома надолго боялась. Сняла ордена и медали с пиджака, завязала их вместе с орденскими книжками в узелок и постоянно перепрятывала. Приходила на могилку и жаловалась мужу на одиночество.

Вот уже и май. Стала думать, какие цветочки на могилке посадить. Земля могильного холмика осела. Она принесла лопату и подгрестила землю с боков. Может, тогда и мелькнула

у нее эта мысль, может, и сам старик подсказал ей. Иначе почему же она оставила лопату у могилы?

В этот год в деревне уже некому было праздновать День Победы. Старуха оторвала листок численника с красной праздничной цифрой, вздохнула. Положила его в узелок к орденам и медалям. Спрятала узелок под пальто и вышла из дома.

Пришла на кладбище. Раздвинула уже завянувшие, привезенные дочерьми цветы, вырыла в могильном холмике глубокую ямку, опустила в нее тяжелое, звякнувшее сокровище и закопала. Опять вернула цветы на место.

– Вот и все, – сказала она, выпрямившись и перекрестив могилу. – Воевал ты, Сашенька, за землю, в землю и ушел. И награды твои пусть с тобой будут. И такого сраму, чтобы их пропили, не позволю!

Она даже не заплакала, так как была уверена, что поступила правильно.

А заплакала, когда стала спрашивать мужа, к какой дочери ехать жить.

Не дождалась ответа, но решила так: напишет на бумажках их имена, перемешает и вытащит. Какая выпадет, к той и судьба. А она долго не заживется, она чувствует, как со смертью мужа в ней самой стала убывать жизнь.

У ворот ее ждал Панька.

– Ведь совсем молодой, – сказала она, – а уже весь серый. Ни воин, ни пахарь. Стоишь трясешься. Жалко тебя.

– А жалко, так опохмели. – И опять заканючил про ордена. Даже и угрожал: – Нам не отдашь – из района приедут.

– У меня их больше нет.

– Как? – не поверил он.

– Так. Сдала.

– Куда сдала?

– На вечное хранение.

– Врешь! – не поверил Панька.

– Тебе перекреститься?

– Н-не н-надо. – Он даже заикался. – Ну, тетка Анна, ну! Ну хоть на пивцо-то, а? Иванныча помянуть. День же Победы, а? За Родину выпить, а?

– А Родине лучше, если ты за нее не выпьешь.

Пришла домой, написала на одинаковых бумажках имена дочерей. Перемешала. Долго сидела перед ними. Долго смотрела на иконы, на фотографию мужа. Наконец взяла одну из бумажек, перевернула и прочла: «Люба».

Змея и чаша *Рассказ-притча*

Она жила так давно, что не помнила, когда родилась. Она была всегда.

Умудренная тысячелетиями настолько, что ей не нужны были доносчики, чтобы сообщать, кто и что о ней говорит и думает, она сама обо всем и обо всех знала. И она знала в последнее время, что молодые змеи смеются над ней. И знала почему. Она несколько раз в последние годы уклонилась от встречи с людьми – их врагами. Она, помнившая времена, когда вся жаркая середина Земли трепетала от засилья змей, когда к гробницам и пирамидам фараонов, считавших себя равными богам, их трусливые рабы боялись подойти, ибо все сокровища гробниц принадлежали змеям. Она, помнившая времена Великого рассеяния змей по лицу необъятной Земли; она, ставшая символом исцеления от всех болезней, опоясавшая чашу с живительным ядом, обкрутившая державные скипетры всех царей; она, изображенная художниками в такую длину, что ее хватило бы стиснуть весь земной шар и головой достигнуть своего хвоста; она, вошедшая не только в пословицы, но и в сознание своими качествами – змеиной мудростью, змеиной хитростью, змеиной выносливостью, змеиной изворотливостью, змеиным терпением... Чего ей было бояться? Ей, родной сестре той змейки, что грелась на груди Клеопатры, сестре всех змей, отдавших свой яд в десятки тысяч кубков, бокалов, стаканов, незаметно растворявшийся и делавший необратимым переход от земной жизни в неведомую ни людям, ни змеям другую жизнь.

Чего было ей бояться? Всегда боялись ее.

Молодые издевательски шипели меж собой, что она жалеет своего яда. Что возражать! Не она ли за тысячелетия добилась того, что яд тем более прибывает, чем более расходуетя.

Ей, бессмертной, кого бояться?

Ей, выступившей во времена рассеяния за Великое единение змей, а за это провозглашенной бессмертной самим Змием, тем, который был на древе познания, когда свершался первый грех, сделавший на все времена людей виновными уже за одно зачатие, а не только за появление на свет, – ей чего-то бояться?

Вот прошел сезон змеиных выводков, прошел настолько успешно, что, будь Змея помоложе, она бы возгордилась результатами своего многовекового труда: все прежние территории были полны подкреплений, были захвачены новые пространства, но Змея считала, что иначе быть не может.

Весь секрет Змеи был в том, что она хотела умереть. Она не умела радоваться, торжествовать, она умела терпеть и бороться, умела веками работать над улучшением и сплочением змеиной породы, она была всюду карающей десницей великого Змия. Она всегда поражалась его расчетливой, насмешливой прозорливости. Только Змий, в отличие от нее, умел наслаждаться результатами труда.

– Что сейчас не жить! – восклицал он. – Сейчас все змеи знают о конечной нашей цели – власти над всеми пространствами и племенами! А помнишь тяжелые времена? – спрашивал он Змею. – С нами боролись так сильно, что мы были символом греха, нас попирали, карали, изгоняли как заразу, – о, сколько клятв о мщении вознеслось тогда к моему престолу! Нет худа без добра: считая, что с нами покончено, они стали убивать друг друга, и мы успели собрать гаснущие силы. Помнишь, как славно было греться на камнях, бывших когда-то стенами храмов и жилищ, как славно оплетали развалины хмель и дурман, как славно пахли повилика и полынь? Дурманящий запах запустения. О, этот запах, в котором нет запаха человека!

Да, Змея помнила эти времена. Помнила их клятвы превратить все города планеты в развалины. Вот тогда и был создан тайный из тайных жертвенный тайник змеиного яда. Огромная подземная чаша, освещенная отблесками золотоносной жилы, приняла тогда первые капли

ритуального яда. Теперь все змеи перед уходом в свои регионы, а также при возвращении из них перед смертью отдавали часть своего яда в огромную чашу. Яд кристаллизовался, превращался в твердые янтарные россыпи, они ослепляли.

Чаша наполнялась.

Змея хотела умереть не так просто, она хотела изрыгнуть весь свой накопленный яд – а его скопилось очень много – в чашу, а сама, обернувшись вокруг нее, замереть навсегда. Она думала, что заслужила эту великую честь. Но умереть без позволения Змия она не могла. И вот она в бесчисленный раз появилась у его престола.

В глазах рябило от бесчисленных узоров на спинах и головах самых разных рептилий. Это не было роскошью, нет, здесь было единение, демонстрация змеиной силы, и где, как не здесь, над тайником их всесветного сокровища, собрать всех представителей грядущего владычества Земли!

Пола не было видно – сплошное шевеление скользкого узорного ковра: протягивались длиннейшие анаконды, удавы гирляндами висели на потолке и стенах, серые и черные гадюки простирались у подножия престола, по краям его, как маятники времени, качались кобры, гюрза крутилась волчком, бронзовые медянки искорками порхали всюду, – все шевелилось, и все расступилось, выстелилось перед ней, замерев, только кобры продолжали отталкивать время вправо и влево.

Почетное сопровождение осуществляли самые разные змеи: слепуны, аспиды, бородавчатые, ошейниковые, игольчатые, ближе к ней двигались желтобрюхие полозы, а поодаль, непрерывно и торжественно оглашая воздух шуршащими звуками, виднелись гремучие змеи.

Змея втянула себя в коридор перед престолом, отметив, что мышцы ее упруги, как у молодой, что она еще вполне в состоянии свернуться в пружину и выстрелить себя как свистящий, неотразимый снаряд. Склонив голову и высунув длинный язык, она ждала.

– Великий, могу я говорить с тобой?

– Для тебя нет невозможного.

– Великий, могу я просить, чтобы разговор был у жертвенной чаши?

– О да!

Когда она увидела чашу, ее решение умереть стало окончательным – чаша должна была вот-вот наполниться. Дело ее огромной жизни завершалось. В ней поднялось внутреннее содрогание, так знакомое по встречам с врагами, такой прилив силы, что показалось даже – ее холодная кровь немного согрелась. Нет-нет, она отдаст свой яд потом, перед уходом.

Она примерилась, она окружила чашу своим крепким, красивым телом. Охрана чаши почтительно расступалась. Да, как раз хватает. Хватает ее длины на окружность чаши. Она давно ничего не ест, ее тело придет сюда высохшим, в последний раз в обновленной шкуре, скоро она выползет из этой, она уже чувствует зудение новой кожи, рожденной на смену.

Напряженное, никому не слышное состояние воцарилось в жертвеннике – явился Змий.

– Повелитель, – сказала Змея, – я знаю цену твоему времени и буду говорить кратко.

– Нет, – возразил Змий. – Трижды нет. Ты не из тех, кому я могу запретить, мы с тобой помним стены Вавилона, мы с тобой готовили разврат жителей Содомы и Гоморры, мы грелись с тобой на горах золота, когда оно было еще простым камнем, – и после этого ты будешь торопиться?

– Великий, я помню первые две капли, которые мы с тобой отдали на дно этой чаши. Но время настало, я сделала все, чтобы ты более не нуждался во мне, я создала несколько родов, которые будут всегда рождать себе подобных, улучшая их, закаляя во злобе, делая мысль о мировом господстве не мечтой, даже не целью, а само собою разумеющимся делом. Осталось последнее: чтобы люди поняли нашу власть над ними, и тогда мы разрешим им жить...

– Помнишь день символа, – символа исцеления от всех болезней: змея и чаша? Как они поддаются внушению, как легко оказалось ими управлять, но как долго мы к этому шли, надо

только вбить в их костяные черепа, которые после смерти так прекрасно служат жилищами для змеиных семей, что зло можно обратить во благо, что добро побеждает зло. Но уже доходит, уже дошло до них, что злые живут лучше, что все блага принадлежат им, что лишение совести ведет к победе над собой, что... Я перебил, прости.

– Ты знаешь мои мысли, но не до конца, Великий. Я решила просить смерти не от скромности, как ты понимаешь, напротив. Сделав все для нашей победы, я хочу навсегда остаться ее знаком, я и после смерти хочу поклонения; до твоего прихода я опоясала наш жертвенник, его окружность равна длине моего тела.

– Ты заслужила это, Змея. Но все-таки я не понимаю: почему то же нельзя совершить и после нашей победы?

– Я скажу. Сейчас я бы умерла, уверенная в ней, но из всех чувств, замененных злобой, мы оставили в змеях обостренное чутье опасности. Ты помнишь, когда Он приходил. Он приходил, когда уже все было готово для захвата власти.

– Да. Но Он больше не придет. Не сможет. Они сами виноваты, вынудив нас на борьбу, это и Он, должно быть, понял. Что бы делали они без понятия зла, которое несем мы, олицетворяем в злых поступках, что? Наше оружие – их страх перед нами и наша способность к провокациям. Первородный грех был не сам по себе, я спровоцировал его. Мы населили мир соблазнами: деньгами, похотью, успехом, властью, избавлением от усталости, – нет человека, который бы устоял. Когда зло было явным, явились аскеты, которые могли устоять против соблазнов. Они называли злом свои пороки, ну и пусть борются, пусть тратят свою жизнь, нам-то что! Нет, Он не вернется. Они думали, что прогресс им поможет, а тем самым копают себе могилу. Они задыхаются от выхлопных газов, на которые мы не реагируем, змеи могут выжить даже в камере смертников. Ради шутки можем и мы повеселиться, некоторые змеи легко могут жить в сиденьях автомобилей, прекрасно путешествовать до тех пор, пока не надоест хозяин машины, – чем плохо?

– Великий, я продолжу. Змеи могут перестать быть злыми только мертвыми. Я и сама могла греться последнее столетие на бетонных сооружениях, асфальте, металлических трубах, сама внушала змеям нечувствительность к запахам и вещам цивилизации... Они осушали болота, тем самым множили нас, делали наш яд более страшным, от страданий укреплялись наши зубы, делались мельче, но смертоноснее. Твои слова о том, что мы не должны оставлять следов, осуществлены: мы их не оставляем – ни на песке, ни на траве, ни в лесу, ни на воде.

– Сейчас даже и это не важно. Нет-нет, Он не явится. В те века, разогнав нас, Он давал людям свободу выбора – и что? Они начинали кричать о порядочности, а пока они кричали, ими начинали командовать непорядочные. Они начинали выть о смысле жизни, задавать один и тот же бессмысленный вопрос: зачем, для чего живет человек? А мы знаем. Мы живем для власти над ними. Тогда и они узнают, зачем живут.

– Великий, у них есть еще способность помнить.

– О, у очень немногих. И пусть помнят. Пусть помнят свои слабые предания, легенды, хилые рассказы про былое могущество, которое вдохновляет их на веру в будущее, пусть! Их же единицы. И тех, кто помнит, мы тоже помним. Чаша перед нами – разве мы жалеем черпать из нее на нужное дело? Нет, Змея, трижды нет твоему решению покинуть нас.

– Я не посмею ослушаться, Великий, но я должна сказать, что в полнолуние я почувствовала тревогу.

– Должно быть, сильный ветер или разряд молнии. Ветер и солнце – наши враги. Если бы люди использовали для энергии ветер и солнце, тогда бы я испугался первый. Успокойся. Живи. Люди специально для нас перегораживают реки, они решили затопить свои пространства, убить все живое. Они поняли, что мы всемогущи, что мы разбросаны всюду, но едины. Мы всегда опережим инстинктом и скоростью действия, о, мы еще увидим холодные шевелящиеся змеиные сплетения на развалинах столиц. Ты хочешь уйти, когда их безумие, их жад-

ность дошли до предела, они перестали ценить чужую жизнь, у них нет понятия о чужой боли, мы отдали им эти свои качества, – нет-нет, живи, Змея! Ты же видишь, они уже убивают друг друга! Живи!

И вот Змея возвращалась. Она решила проверить побольше мест гнездований, даже не столько этих мест, сколько пространств меж ними. Все было лучше, чем она предполагала. Глядя узкими сухими глазами, она видела всюду знаки разрухи и катастрофы: брошенную технику, опустевшие, одичалые поля, вырубленные леса, пустые деревни и поселки, ржавые рельсы железных дорог, трещины асфальта и всюду свалки мусора. И везде навстречу Змее выходили из нор и укромных мест ее соплеменницы, легкий свист постоянно звучал всюду, и где бы ни находились люди, за ними спокойно и выжидательно следили змеиные взгляды.

По пути было Большое Поле. Змея не любила его: оно было пропитано кровью давней битвы. О, змеи чуют кровь на земле, как акулы в океане, за многие, многие расстояния, но это была особая кровь, от нее исходила явная угроза, и змеи предпочитали обползать Поле стороной. Однажды она увидела, а потом всегда знала, что люди приходят сюда, приносят цветы, некоторые даже, уединившись, стоят на коленях. И получают силы, но не телесные, которые получают змеи, питаясь кровью, а особые силы – силы мужества. Все-таки Змея, зная, что за ней наблюдают тысячи и тысячи змей, решила ползти напрямик.

Уже в самом начале она ощутила в себе глухое сопротивление, как сигнал опасности завибрировал в ней спинной мускул. Но она заставила себя продвигаться дальше.

И здесь Змея увидела Его! Он шел легкой, летящей походкой, седые волосы непокрытой головы и борода серебрились в закатных лучах. Что ж! Мгновенно к Змее пришло решение – эта смерть будет почетнее любой, она с такой скоростью согнула тело в спираль, что над нею взлетели опавшие листья.

Он приближался. Еще, еще... Вот! Она с силой, содрогаясь всем телом, оттолкнулась и... была отброшена непонятной упругой волной. Она еще напряглась – и снова отшатнулась. Он удалялся. Все такой же летящей была походка, все так же бодро и размеренно касался земли Его посох.

Змея, делая огромные прыжки по обочине, догнала Его и хотела кинуться сзади, со спины. И вновь – прозрачная отбрасывающая стена. Тогда пусть Он убьет ее, решила Змея. Она по обочине обогнала Его и вытянулась поперек дороги. Он приблизился и засмеялся:

– Иди и скажи Змию, что я вернулся, чтобы он явился ко мне с повинной позади всех змей, скажи, что времена смены шкур, времена вашей угрозы прошли. Вам не дано больше затмевать маяки и сбивать с дороги корабли. Скоро я коснусь посохом вашей жертвенной чаши и превращу ваш яд в песок. Вы были посланы в наказание и испытание, вы решили, что предела злу нет. Предел есть. Он в нашей силе наступать на вас. Иди!

Он пошел дальше. Он даже не наступил на нее, а переступил, как переступают через брошенную за ненадобностью палку.

Змея, извернувшись, рванулась к Нему, но получила такой удар, что очнулась не скоро. В бессильной злобе, корчась от позора, она, открыв страшную пасть, вцепилась зубами в огромный камень на перекрестье дорог и услышала, как ломаются зубы, как хлещет из пасти сверкающий желтый яд.

Поздним вечером того же дня Змея была у Змия. Он знал о встрече. Он только хотел многое уточнить.

- Великий, это была неведомая сила.
- Проклятье! Куда Он шел?
- Не знаю. Там было три дороги. Когда я очнулась, Его не было.
- Я думаю, Он не с этой Земли. Здесь все боятся нас.
- Это был Он.

– Для нас лучше, что Он не с этой Земли. Пусть так считают во всех змеиных пределах. Мы укрепим охрану чаши настолько, что даже случайный человек, оказавшийся вблизи, исчезнет бесследно. О-о, сегодня, в разгар полнолуния, тревожный вечер. Я спросил тебя, куда Он ушел, неспроста. Люди не могут поглощать расстояния как мы. Ты встретила Его в Поле, а с севера пришло страшное сообщение. Там тоже ссылаются на Него, говоря, что Он учинил явление Света. Свет сам по себе не страшен нашим узким глазам, но это был особый Свет. Мало того! Этот Свет делил всех не на старых и молодых, не на самцов и самок, не на черных и белых, не на умных и глупых, нет! Все делились на злых и добрых. Добрые радовались, злые падали на землю и ползли прочь от страха. Самые злые змеи превратились в бессильные плети. На кишку они были похожи! – закричал Змий. – На кишку, полную смертельного страха!

Все так же вправо и влево раскачивались у его трона кобры. Вот подошел полуночный час. Подползла сзади и встала на смену новая пара кобр. Только вдруг заметила Змея, что эти кобры качаются чаще и не в такт. Змий поднял голову. Кобры попали в ритм и выровнялись.

– Птицы распелись среди ночи! Небо стало бездонным, каждый листочек трепетал от счастья – вот какой был Свет! Крысы дохли от разрыва сердца, никакой твари не осталось даже малой темной щели, чтоб скрыться, – вот какой был Свет! Если такой Свет будет здесь, яд и впрямь станет песком.

– Великий! – наконец решилась Змея. – Ты мог бы говорить с Ним для начала о дележе Земли. Ты мудр, обмани Его. Признай Его силу, проси для нас условий существования.

– Боюсь, что Он не согласится.

– Ты сказал слово «боюсь», Великий.

– Да, – четко произнес Змий, – боюсь, что Он не согласится... Так. Тебе следует продолжать свое дело пополнения и воспитания выводков.

– Слушаюсь, Великий, но те, что испугались Света, принесут плохое потомство.

– Их убьют, я уже распорядился.

– Мои зубы, они не скоро отрастут.

– У нас достаточно запасов свежей крови, чтобы помочь тебе.

От входа, стремительно извиваясь легким бронзовым телом, приблизилась отмеченная особой метой медянка. Склонила голову.

– Говори, – велел Змий.

– Великий и высокомуудрый, на наши сигналы вновь нет ответа.

– Продолжайте. Не давайте вырваться в космос никаким сигналам, кроме наших.

Медянка исчезла.

– Я поняла, – сказала Змея, – ты пытаешься связаться с другими змеями других миров. А вдруг их там нет?

– Молчи! Трижды молчи! Молчи всегда об этом! Иначе тебе не дожить до новых зубов. Прости, но даже с тобой я прибегаю к угрозе. Змеи есть везде, запомни это и втолковывай каждому новым поколениям. Везде, всюду и всегда. До этих тревожных дней не было в этом мире сплоченнее нас, увереннее нас, и это надо продолжить и усилить. Не жалеть яда на новые, подчиняющие тело и мысли ритмы, на бесовские страсти к вину и плотской любви, к деньгам, к власти, к успеху, ничего не жалеть! Охранять плантации наркотических растений! Убивать внезапно и без всякой системы! Тех, кто помнит прошлое, кусать не до смерти, но до потери памяти. Заставить их голодать, бросать недостроенное, ссориться и грызть друг друга, заставить их уничтожать все запасы пищи и топлива, заставить их и дальше безумствовать в разложении вещества, в сжигании для энергии отходов природы... Пусть они задохнутся в дыму и копоты своего прогресса, пусть отравятся радиацией, пусть живут и думают, что они живут! Пусть они без конца болтают и думают, что этим что-то изменят. Нет, Он не сможет ничего сделать, мы так много успели – Он пришел слишком поздно.

Змий опустил голову, показав этим Змее, что она должна идти. Навстречу ей ползла новая стража тронного времени.

Ничего, думала Змея, вползая в воду спокойной реки и отдаваясь течению, ничего. У змей есть силы, змеям есть из чего собирать новые силы, ничего, они крепнут от неудач...

– Ванька! – звенел над рекою мальчишеский голос. – Ты чего не забрасываешь, я уж вторую поймал!

– Сейчас заброшу! – кричал в ответ другой мальчишка. – Вот только эта коряга проплывет.

Пастух и пастушка

Откуда взялась собака в деревне, чья она, никто не знал. Бегала по улицам, дети с ней играли. Но они-то поиграют да ужинать пойдут да телевизор смотреть – а собака? К зиме и вовсе уедут. Поневоле собака заботилась сама о себе. Ловила мышей. Даже кузнечиков, даже ящерок. Даже иногда и цыплят. Ее однажды поймал на этом хозяин цыпленка, загнал в угол двора и избил палкой. Даже думал, что убил. Она уж и не шевелилась. Выкинул ее в овраг. Ночью пошел дождь, и она ожила. Тряслась от холода и боли и тихо скулила.

Она стала бояться людей. А они прозвали ее Ворюгой. Жила на задворках, исхудала, вся была в репьях.

Вообще, людей в деревне оставалось все меньше. И тем более живности. Только немного коров да козы. Мало, но были. Пастухом на лето нанимали одинокого старика Арсеню. Он каждый год говорил, что больше не будет пасти, сил нету. И все-таки каждый год пас. Но нынче твердо заявил: «Пастушу последний год. Тут из-за одной Цыганки с ума сойдешь». Так звали корову черной масти. И характер был у нее кочевой. Всегда норовила убежать.

После Дня Победы Арсеня первый раз выгнал коров и коз на пастбище. Вечером возвращался, а собака стерегла мышей у старого сарая. Увидела Арсеню, поджала хвост и стала боком-боком отходить.

– Не бойся, не съем! – весело сказал Арсеня. Достал из сумки, облупил и бросил ей сваренное вкрутую яйцо.

Ворюга в один заглот съела его и опять отскочила. А когда Арсеня отошел, то подобрала с земли белые скорлупки и их схрустела.

– Ого, – сказал Арсеня. Посмотрел в сумку. – На вот еще хлебушка. Мне уж горбушки не по зубам.

Ворюга мгновенно смолотила черствый хлеб. И опять смотрела на Арсеню.

– Да, миленькая, достается тебе, – сказал Арсеня. И всю еду, что осталась в сумке, вывалил на траву.

А дальше было вот что. На следующее утро Арсеня пригнал стадо к дальнему лесу. Но только хотел присесть на пенек да съесть пирожок, как увидел, что черная Цыганка прямохонько полетела к зеленой озими.

– Ах ты, ах ты, такая-сякая! – закричал Арсеня, вскочил и побежал ее заворотить.

Но разве, с его-то скоростью, догонишь такую резвую. Вдруг из кустов вылетела Ворюга, будто ею выстрелили как снарядом, в три секунды настигла Цыганку, обогнала, смело встала перед коровой и залаяла. Цыганка опешила, выставила рога, но Ворюга так грозно и смело лаяла, что корова мотнула головой, мол, не буду с тобой связываться, и вернулась в стадо.

– Ну, товарищи женщины! – потрясенно и восхищенно говорил вечером Арсеня. – У нее ума больше, чем у меня. Я целый день барином был, завтра стульчик с собой возьму и книжку почитать. Главное дело, и коровы привыкли ей подчиняться. Ведь вот даже если они смирно пасутся, то все равно вокруг стада раза три обежит. Какая же она Ворюга, я ее Пастушкой назвал. Она ж не со зла – с голодухи цыпленка употребила. О-о, это золото, а не собака. Я пастух с маленькой буквы, она Пастушка с большой. Да, бабы, не зря сказано: «Кошку год корми – за день забудет, а собаку день корми – год будет помнить».

Но в тот день собака в деревню не пошла, осталась ночевать в поле. А рано утром, когда Арсеня вышел из дома, увидел, что она спит у ворот.

– Намучилась вчера, – сказал он. Присел и хотел погладить. И только коснулся грязной шерсти, как собака мгновенно очнулась, отпрыгнула и хотела бежать. – Куда ты, куда? Я ж тебе завтрак приготовил. Ты ж три таких завтрака вчера заработала. А я уж боялся, не захочешь

больше пастушить. – Он бросил ей лепешку. – Поешь. Будешь сегодня помогать? Ох, спасибо скажу.

Пастушка по деревне с ним не пошла, но на пастбище прибежала. Он долго ею занимался, выдирал из шерсти репы, даже клеща вытащил из лапы. Пастушка терпела все героически. Только когда он завел ее в воду и стал намыливать, вырвалась.

– Ну, ничего, не сразу, – сказал Арсения. – Лето долгое, еще накупаешься.

И ведь напроорочил. Лето началось жаркое, коровы постоянно хотели пить. Арсения пас их или около пруда, или около реки. Но, кроме жары, летом для животных наступает одно очень тяжкое испытание – это гнус: комары, оводы, слепни. Чем жарче, тем они злее. Козы как-то легче переносят нападения кровососущих, лежат в траве вокруг козла, а коровы нервничают, лезут в кусты, даже ложатся, чтобы хоть живот, и особенно вымя, не кусали, а более всего спасаются в воде. Зайдут в воду, вода покроет спину, и так им хорошо, что на берег не выгонишь. А выгонять надо: зачем же они пришли на пастбище? Надо есть больше травы, надо давать молоко. Но и отдохнуть от гнуса тоже надо. Хотя и в воде эти великие труженицы продолжают работать – жуют и пережевывают траву.

Пастушка сама поворачивала стадо к реке или на пруд, разрешала зайти в воду, сама лежала в тени прибрежной ивы и дремала. Но не на оба глаза, в отличие от хозяина, на один, а другим посматривала на подчиненных. Над коровами вились и носились оводы и слепни. Иногда они не рассчитывали траектории полета и попадали на воду, а с нее не могли взлететь. Жужжали, крутились на поверхности. Но недолго бывали их танцы на воде – снизу выныривали головли и с удовольствием ими питались.

– Э-э! – воскликнул Арсения, увидев такое дело. – Чего ж это я ваньку валяю, расслаживаю? Собака пасет, меня освобождает от трудов. А зачем? Чтоб я ее, и себя, и людей рыбой кормил, так, Пастушка?

Собака одобрительно виляла хвостом, шла к берегу, лакала водичку и предупредительно коротко лаяла. Это не действовало. Выгнать коров из воды даже и Арсения раньше не всегда мог. Хлопал бичом, заходил в воду, но коровы отходили подальше. Но Пастушка не Арсения. Бросалась в воду, заплывала со стороны реки, лаяла, сердито молотила лапами прямо перед рогатой мордой. Выгоняла одну, плыла к следующей. И добивалась своего – все коровы выходили на берег. Отряхивались и приступали к своему главному делу, ели траву.

Хозяйки сразу заметили прибавку в надоях и нахвалиться пастухом не могли. А он все благодарности относил к Пастушке.

Мало того, он стал ловить рыбу и приносил вечером в деревню. Отдавал хозяйкам по очереди, но денег ни с кого не брал.

– Мы с Пастушкой денег не любим, берем натурой.

Утром хозяйки выносили им половину свежего рыбного пирога. Они с Пастушкой за день его съедали. На пирогах да на молоке Пастушка поздоровела, повеселела. Шерсть стала гладкой, блестящей. В деревне все наперебой старались ее погладить, она всем радовалась. Только когда подошел тот мужчина, владелец цыпленка, который бил ее палкой, она попятилась и коротко зарычала. Он испуганно отошел. Кстати, именно он держал корову Цыганку. Но и Цыганку Пастушка воспитала окончательно, стала законопослушной. Ее хозяину теперь было стыдно перед Пастушкой. Арсене однажды сказал:

– Выпивши был, вот и... ведь даже убить мог, а? Такую собаку! Цыпленка, дурак, пожалел, все равно б съели.

Но вот с кем не смогла найти общего языка Пастушка, так это с козлом Борькой, вожаком козьего стада. Он всегда был важен, тяжело и с достоинством шагал, а тут вдруг – нате! У его стада появился новый начальник, вернее начальница. И они ее слушаются. Как он ни мемекает, они идут туда, куда их гонит Пастушка. Борька исхудал, ел мало. Подолгу стоял, расставив передние ноги и раскачивая рогатую голову. Когда Пастушка лаяла на него, понуж-

дая передвигаться в общем направлении, он устрашал ее рогами, даже бросался. Она на рога не лезла, отпрыгивала. Потом опять лаяла и все равно добивалась своего. Тяжело это для козлиного характера. Борька потерял лидерство, ходил уже не в голове стада, а в середине.

А еще вышел случай совсем дивный. Пригнали они вечером стадо, а хозяйка одной козы говорит:

– А моя Марютка где? Волки съели?

Пошли Арсеня и Пастушка обратно. Долго искали. И ведь нашла Пастушка! Оказывается, коза перебрела мелкий ручей, скрылась в высокой траве и там... родила!

– Вот так, вот так, серенькие козлики! – улыбался Арсеня, заворачивая в плащ трех маленьких мокрых козлят. – А ты не ори! – сердито выговаривал он испуганно блеющей козе. – Вишь, как вы нынче, все в людей. Рановато бы тебе еще в мамы, – нет, туда же. А хороши, ах, хороши, – любовался он козлятами.

Козлята растут моментально. Сегодня крохотные, на ножках-спичечках, через неделю прыгают, через две бодаться начинают. Уже вскоре козлята ходили с мамой-козой в общее стадо. А один козленок полюбил Пастушку. Он к ней все время приставал, не давал спокойно лежать, толкал крепнущим лбом в живот. Самое дивное, что Пастушке это нравилось. Как она носилась с этим козленком, какие прыжки выделявала, как пряталась, как неожиданно появлялась и сзади, и сбоку, и спереди, прямо концерт.

– Ну, с вами хоть телевизор выбрасывай, – смеялся Арсеня. – А ты-то чего не рад? – говорил он козлу. – Небось, сын родной. Радуйся, Борька,

А хозяйка козленка, когда Арсеня попросил ее продать его ему, сразу заявила:

– Арсенечка, спаситель ты наш, да я его тебе даром дарю.

В тот же вечер Арсеня забрал козленка в свой двор. Налил в тарелку молока, накрошил хлеба, поставил на землю. Интересно, что козленок один есть не захотел. Арсеня думал – по матери тоскует. Нет, когда к тарелке подошла и Пастушка, они дружно стали ужинать. После еды козленок опять набегался, напрыгался, вечером приткнулся к Пастушке – и хоть бы что, бай-бай. Стало их трое.

Козленок получил очень замысловатое имя Замбор. Почему? Женщины недоумевали, а Арсеня объяснял:

– Имя означает: заместитель Борьки, Замбор. И никакой это не Мишка. Тут вам не политика, тут вам жизнь.

О, как иногда долго тянутся летние дни и как стремительно проходит лето. Вот и осень, вот и кончался пастушеский сезон. Рыба перестала клевать, пошли грибы. Освобожденный Пастушкой от пастыбы, Арсеня приносил в деревню и белых грибов, и рыжиков.

К зиме он сколотил Пастушке конуру. Не пожалел хороших досок, шели проконопатил, пол выстелил старой шубой. Но к ночи в ней оказался Замборчик, а Пастушка легла рядом, охранять.

– Ну, ты в папашу! – выговаривал ему Арсеня. – Мне что, еще одну конуру делать?

А так и получилось. Пастушка сама стала ждать щенков. Весть об этом разнеслась по деревне. Дети заранее просили щеночка от Пастушки.

– Разберемся, – обещал Арсеня. – Пастушка их обучит коров и телят пасти. Стадо увеличим, всех прокормим, кризисы нам не страшны.

Сам Арсеня в эти месяцы не то чтобы помолодел, но прежние болезни или отступились, или замолчали. Когда речь заходила о следующем лете и его заранее просили снова попастушить, он отвечал:

– А это уже вопрос не ко мне, это к Пастушке. Она у меня главная, я только помощник.
Что скажешь, Пастушка?

Пастушка весело виляла хвостом.

Простая душа

Вот уже подходит к концу Великий пост. Благодатная пора... Проходит неделя за неделей, и начинаешь по-новому видеть и себя, и окружающих тебя людей. Это как весной, когда вдруг просыпаются запахи: мир остается прежним, но он совершенно новый, незнакомый. И люди-то новые, какой-то свет из них льется.

В самом начале поста довелось мне познакомиться с одной старушкой. Было это после Покаянного канона, который читал в нашей московской церкви митрополит Питирим, и водосвятного молебна. Выходит эта старушка из храма в мокром пальто и говорит мне: «Они, батюшки, молоденьких жалеют, а меня всю вот окатил». Сначала подумал я, что жалуется старуха, но когда взглянул в лицо... После этой встречи написал я небольшой рассказ, только что его закончил. Посвящен он северным нашим бабушкам, и вы – первые его читатели.

У Прасковьи Николаевны был поминальник, маленькая тетрадка, в которой до половины было о здравии, после половины – об упокоении. Первая половина все время уменьшалась, имена в ней вычеркивались и переходили на вторую половину. Кого было помянуть о здравии в их вымирающей деревне, оживавшей только летом? Пять-шесть старух. По воскресеньям они сползались в избу Прасковьи Николаевны и вместе читали Евангелие, Псалтырь, говорили о Божественном.

Потом переходили, как они шутили, к водным процедурам – пили чай. И опять расплзались по избам, как монахи по кельям.

И уже никуда не думала выезжать Прасковья, да вытянула ее внучка. Приехала в ее областной город в командировку, выскочила к бабушке, велела собираться... и увезла. Сама натаскала из сарая дров в сени, сама сбегала к соседке, попросила топить, и никаких возражений слушать не захотела. Приехали на автобусе в областной город, к вечеру сели на поезд, а утром уже были на Ярославском вокзале аж в самой Москве.

А следующим днем было воскресенье. Они сидели на кухне, пили чай с деревенским вареньем. Правнучка учила прабабку есть какие-то непонятные плоские сухари, рассказывала об интригах в их старшей детсадовской группе.

Вдруг послышался колокольный звон. Прасковья встрепелась:

– Ой, что же это? Ой, Господи, это ж церковь!

– Да, рядом, – отвечала внучка. – Им спонсоры недавно колокола подарили. Мы вначале даже вздрагивали, а теперь привыкли, теперь даже нравится.

– Так надо же идти! – вскочила старуха. – Как же так, это же звонят ко службе, как же мы тут сидим – чай распиваем...

Но пошла в церковь старуха одна.

До чего же было в церкви отрадно, до чего умильно! И сколько дней ни гостила она у внучки, не пропускала ни одной службы. «Да как же это так, – думала потрясенно Прасковья, – колокола гремят, а люди идут мимо. Прямо бы за руку их затаскивала!» Интересно, что один раз она так и поступила. Позвала зайти в храм женщину – моложе ее, одетую дорого, но плачущую.

– Зайдем, сестричка, – стала звать старуха, – в доме Божьем утетишься.

А женщина отругала старуху, отмахнулась.

В начале Великого поста на чтении Покаянного канона Прасковья оказалась затолканной и прижатой к стене. Она плохо различала читаемый канон. Читал старенький священник в высоком головном уборе. Его сменил молодой, громогласный, читавший разборчиво и четко. Потом опять читал старенький. Выйдя после окончания службы, Прасковья поделилась своими впечатлениями с другой старушкой, городской.

– Я думаю, чего старичка-то мучают, читал бы молодой – сколь громко, хорошо он читал! Аж в ушах отдается. А этот – даже жалко, шепчет...

– Да ты что? – стала ее стыдить городская старуха. – Это ведь сам митрополит! Тебе ведь такая честь досталась, служба митрополичья, а ты осуждаешь!

– Митрополит? – растерялась Прасковья, но тут же решила: – Очень хорошо, что митрополит. Вот и стоял бы наблюдал. Или бы присел даже.

Старуха отмахнулась от нее и пошла. Прасковья, увидев ее назавтра, попросила у нее прощения, узнала ее имя. Она вообще старалась запоминать имена всех, с кем встречалась, и записывала их в свою тетрабочку, чтобы потом поминать. На молебне с водосвятием она опять опростоволосилась, опять же начала делиться своими впечатлениями с этой знакомой городской старухой Галиной и говорила:

– Они, батюшки, этих молоденьких жалеют. Эти молоденькие намажут всякой косметики, батюшки это понимают и на них чуть-чуть и брызнут каку капельку, чтобы красоту не повредить. А я что, я старуха, чего меня жалеть? Он меня всю и окатил. А потом подумал: может, мало, да еще зачерпнул святницы и опять на меня. Выкупал, аж пальто мокрое!

– Ой, Паня, – говорила Галина, – ты или притворяешься, или еще что. Это же Божья благодать на тебя, радовалась бы! Больше всех святой воды досталось во исцеление.

– Ох, – вздыхала Прасковья, – чего с деревенской дуры возьмешь. А я на исповеди еще как опозорилась. Он спрашивает: «Каешься?» А я говорю: «Да как же не каюсь, если я сама пришла, не под ружьем же меня привели. Каюсь, как не каяться». – «А в чем каешься?» – «А во всем». – «В чем именно?» Я думала, думала, чувствую, что очередь подпирает, поняла, что очень я по характеру противная: все мне надо, чтобы было все по-моему, да уж больно я учу своих старух. «Зануда я, – говорю, – батюшка, вот кто я». Он: «Ничего... Целуй Крест, Евангелие...»

Конечно, вы тут городские, вам чего не жить. У нас поживи-ка, снегами под крышу заметет, дак и не разгребешь, по снегу пльвом пльвем. Ладно, в подполе картошка и свекла да дрова в сарайке.

– Так у нас, Паня, тоже одна картошка и свекла, – отвечала городская старуха. – Ты вот в подпол взяла слазила, а мне в магазин надо со своей пенсией, мне даром никто не даст.

– Так все лето ухлопаешься на огороде, вот и не за деньги...

Начинали они говорить свои старушечьи разговоры о болезнях. Галина называла мудреные лекарства, часть которых Прасковье купить было негде и не на что.

– Я их и запоминать даже не буду, – говорила Прасковья, – я лучше научу тебя лекарству от всех болезней, я его сама вывела. Вот мне прижало поясницу...

– Ое-ей, – подхватывала Галина, – рекомендуют пояс из собачьей шерсти. Да ведь очень дорог.

– Чего это дорог? – возражала Прасковья. – Вон у вас сколько собак бегают, и все почти лохматые. Поймай, да вымой, да остриги, делов-то. Но ты лучше поступай так. Вот меня прижало в пояснице, уж я всяко ворочалась, прямо режет пополам, ползать и то тяжело. Наконец вся измучилась, говорю своей болезни: ну ты меня переехала, гонишь меня в могилу. А я возьму и умру. И что? Кого ты тогда будешь мучить? Покойники радикулитом не болеют, покойников-то мы не поминаем о здравии. И что ты, Галя, думаешь? Болезнь взяла и отскочила. Так поступай с любой болезнью – и всегда будешь здорова.

Еще что заметила старуха. Когда она прикладывалась к праздничным иконам, святым образам, она явственно ощущала запах ладана. Если даже в церкви в это время не кадили. Так же и перед приходом ко Святому Причастию. Но как ни хорошо было в Москве, как ни держали ее внучка с правнучкой, а домой было надо. Да и как там без нее ее старухи.

А они и в самом деле сильно без нее грустили. Уж и рассказов было у Прасковьи.

– Знаете, как надо стоять на каноне, – говорила старуха, – вот как городские: они стоят с книжками и по ним следят. И если у митрополита голос слаб, то все равно все понятно. Вам тут чувствовалось, что я вас поминаю, а-а? – строго спрашивала Прасковья.

Всех, кого встречала и кого запомнила в своей поездке, Прасковья занесла в первую половину поминальника. А сверху вписала митрополита. И ежедневно на коленях всех поминала, и особенно ту женщину. Так и говорила: «Помяни, Господи, прости женщину, которая меня обругала, прости ей, не вмени ей во грех, спаси ее!» Подходила к календарю. Вот уже, слава Богу, скоро Пасха, а там – май, огороды, там лето, ягоды, там внучка с правнучкой, дай Бог, приедут. А следующей зимой снова старуха надеялась поехать в город и в мыслях своих стояла в Божьем храме рядышком с правнучкой, и обе они читали Покаянный канон. И правнучка водила пальчиком по строчкам книги, а Прасковья читала сквозь сильные очки: «Душе моя, душе моя, восстани. Что спиши? Конец приближается, ими же смутитесь. Воспрями, убо да посетит тебя Христос Бог».

Мы не Иваны, не помнящие родства

Кого называли такими словами? Тех, кто не помнил своих предков, не почитал их, не жил по их заветам. Но вообще в России отношение к истории и всей страны, и каждой семье всегда было самым уважительным. Очень много сделал для прославления России, русской истории Александр Сергеевич Пушкин. Когда скончался наш великий историк Николай Михайлович Карамзин, то именно Пушкин сменил его на посту государственного историка. Но вместе с тем Пушкин всегда изучал историю предков своей семьи. И говорил: я не хочу иметь никакой другой истории, кроме той, что Господь Бог дал России. А как много писал о древних и новых русских временах великий Ломоносов!

Будем подражать им.

Кратко напомним этапы, которые прошла наша Отчизна, наше Отечество, наше государство:

Х век от Рождества Христова. Поход киевского князя Олега на Константинополь. Вспомните: «Твой щит на вратах Цареграда». Откуда строка? Правильно, из «Песни о вещем Олеге». Царь-град – это и есть Константинополь. Предание говорит, что многие воины тогда приняли христианство.

Приход в Русские пределы равноапостольных Кирилла и Мефодия, моравских братьев, как их называют, «первоучителей словенских». Славянский алфавит, первые переводы Богослужебных книг с греческого и латыни.

957 год. Принятие христианства Великой равноапостольной княгиней Ольгой. Она – мать великого воина Святослава, прогнавшего из русских пределов племя хазар, и она – бабушка Великого равноапостольного князя Владимира, Крестителя Руси. А оно было в...

Правильно, в 988 году. Воды Почайны и Днепра, в которые входили подданные Владимира, были освящены приехавшими из Византии греческими священниками. Именно от греков мы и приняли веру православную. И пришла она на Русь не так, как в языческую античность Европы, не с огнем, и мечом, и казнями, а мирно, полюбовно. А славянские «боги», духи лесов, полей и болот, всякие лешие, кикиморы, Соловьи-разбойники, Змеи-Горынычи убежали от святых икон в глухие места, стали героями сказок, а когда дожили до наших времен, пошли на работу в мультфильмы.

При Владимире создаются первые русские школы.

1015 год. Как в начале веков было братоубийство, Каин убил Авеля, так и в начале Православной Руси пролилась кровь. Святополк, названный Окаянным, убил своих братьев, неповинных князей Бориса и Глеба. Это первые русские святые.

Начинается духовное сияние Киево-Печерской лавры. Основатели – святые Антоний и Феодосий.

Тогда же, в XI веке, на вершину русской церкви возводится первый митрополит, родом русский, Иларион. Он – автор величайшего памятника письменности и веры православной «Слова о Законе и Благодати».

Княжение Ярослава Мудрого. При нем учреждается «Русская Правда» – первые писанные законы Руси. Знаменито Завещание Ярослава Мудрого. Его раньше дети учили наизусть Вот, вчитайтесь, вслушайтесь:

«Дети мои! Ежели вы будете жить в любви между собою, то Бог будет с вами и покорит вам врагов ваших, а ежели станете ссориться, то погибнете и сами и погубите землю дедов и отцов ваших, которую они приобрели великим трудом. Живите же в мире и согласии».

Летописец Нестор, живший в то время и написавший необходимейшую для изучения «Историю временных лет», называет Ярослава Мудрого русским царем Соломоном.

XI век – время подвигов великого воина, затем монаха Киево-Печерской лавры Илии Муромца.

Начало XII века – княжение великого князя Владимира Мономаха. А какая при этом имени вспоминается русская поговорка? Вспомнили? Да, «Тяжела ты, шапка Мономаха!»

В этом веке великий князь Андрей Боголюбский переносит столицу Руси из Киева во Владимир на Клязьме. Вместе с ним на север приходит икона Божией Матери, написанная евангелистом Лукой, и отныне называется Владимирской. Вскоре на Русь нахлынуло ордынское иго татаро-монголов.

Горят города, гибнут церкви, течет кровь, Киев сожжен. Подвигов русских не счесть. Чего только стоит оборона Козельска (это недалеко от Оптиной пустыни). При битве на Калке мы терпим поражение именно по причине нашей разобщенности, о чем предупреждал Ярослав Мудрый.

Вслед за Чингисханом следует нашествие Батыя. Русь платит непосильные дани. Захватчики грабили жестоко: «У кого коня нет, у того корову возьмет. У кого коровы нет, у того жену возьмет».

В Орде мученически гибнет князь Михаил Черниговский, не пожелавший поклониться языческим идолам (1243 г.).

Но засияло и нам солнце побед! На реке Неве поражает шведов – воинов Ватикана великий князь Александр, названный Невским. Это 1240 год. А через два года он же на льду Чудского озера блистательно побеждает тевтонцев, тоже выполняющих заказ Ватикана. Судьбоносные победы! Если степняки-ордынцы грабили наши материальные богатства, то латиняне посягали на Веру Православную. Вот она-то и есть наше главное богатство.

Созидается и северная лавра, лавра Преподобного Сергия Радонежского. Его мы называем ангелом-хранителем Русской земли. Во все века не уменьшается поток людей, идущих поклониться ему, попросить у него помощи.

1380 год, сентябрь, Рождество Пресвятой Богородицы. Свершилось! При Московском митрополите Алексии князь Димитрий Иоаннович Донской наголову разбивает войска хана Мамая между реками Дон и Непрядва. Битву начинает монах Александр Пересвет, которого послал в помощь Димитрию святой Сергий. Когда шла битва, Сергий стоял на молитве и называл имена тех, кто погибал в это время на Поле Куликовом.

Еще много было нашествий на Русь, на Москву. Ханы Едигей, Тамерлан вели войска, но уже Русь становилась непобедимой.

Центр Православия Божиим промыслом переходит в Россию. В 1453 году Константинополь взят турками.

У нас правит больше сорока лет умнейший Иоанн Третий (1462–1505 гг.) При нем окончательно сброшено татаро-монгольское иго (1480 г.)

Иоанн IV, прозванный Грозным, принимает на себя титул царя и венчается на царство в Успенском соборе Кремля (1547 г.). Расширяет Российское государство. Покоряет Казань, побеждает ливонцев. Присоединяет Сибирь. Его соратники – митрополиты Филипп и Макарий.

С 1589 года в России Патриаршество.

Горький для России год – 1591-й: убиение царевича Димитрия в Угличе. От этого события начинается счет годам Смутного времени. На престоле Борис Годунов. Все время Россию будоражат слухи, что Димитрий жив. Эти слухи помогают полякам ввести войска в Россию, даже захватить Москву. Еще бы – все уверены, что наследник престола жив, что в России законный царь. Нет, это Лжедмитрий. Вводит в Успенский собор католичку Марину Мнишек, поляки шарят по всему государству, безнаказанно его грабят.

Подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина. Народное ополчение нижегородского купца Козьмы Минина и зарайского воеводы Димитрия Пожарского. Лжедмитрий убит,

но появляется другой «царь» Лжедмитрий 2-й, названный Тушинским вором, так как его войска стояли в Тушине.

Полугодовое стояние в осаде Троице-Сергиевой лавры. Выстояла лавра – выстояла Россия. Подвиг патриарха священномученика Ермогена.

1612 год. Изгнание поляков.

1613-й – начало царствования династии Романовых. Призвание на царство Михаила Романова. За ним – многолетнее правление Алексея Михайловича. При нем беда – раскол в церкви. Столкновение патриарха Никона и протопопа Аввакума. Исправление Богослужебных книг. Учреждение российского (византийского) герба.

Стрелецкий бунт. Царевна Софья. И с 1689 по 1725 год – царствование Петра Великого. Усиление мощи Российской державы. Победа в Полтавской битве (1709 г.). Основание Петербурга, города святого апостола Петра (1703 г.).

С 1721 года Россия именуется империей, а царь-батюшка – императором. В этом же году на долгие годы прерывается патриаршество в России. Церковная власть отныне до 1918 года принадлежит Святейшему Синоду.

XVIII век – век женщин на русском престоле России. Екатерина I, Анна, Елизавета, Екатерина II. Восстание Пугачева, деление России на губернии, победы Суворова на суше и Ушакова на море, присоединение Крыма, Новороссии. Великий Ломоносов, великая литература, открытие русскими Антарктиды.

С конца века – Павел I. Дворцовый переворот, убийство Павла.

Время Александра I, затем Николая I. Его иногда называют пушкинской эпохой. Это время взлета русской культуры, литературы и музыки. Державин, Жуковский, Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Глинка...

Строительство храма Христа Спасителя, после революции взорванного, ныне возрожденного.

Благодаря связям со Святой горой Афон и у нас возрождается монашество и старчество. Святители Тихон Задонский, Димитрий Ростовский, Фотий, Платон, преподобные Паисий Величковский, Серафим Саровский, затем Филарет Московский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник, старцы Оптиной пустыни – спасители России, ее молитвенные заступники, учителя

Но одновременно усиливается нашествие Запада на нас. Наполеон, а с ним «двенадцать языков», то есть вся Европа, пытались нас покорить, заставить жить по-своему. Бородинская битва (сентябрь 1812 г.). Восстание декабристов. Их имена долго внедряли в сознание как имена народных героев. На самом деле это были враги престола, значит, и враги России.

1961 год, отмена крепостного права. Гончаров, Достоевский.

В XIX веке много войн. Все кавказские народы добровольно просят русского царя принять их в семью российских народов. Крымская война с французами и англичанами. Героическая оборона Севастополя.

Канонизация русских святых при Николае II. Создание Нового Афона на Северном Кавказе (Абхазия) на месте мученической кончины великих святых, апостола Симона, святителя Иоанна Златоустого, там, где прошел и святой Первоzvанный апостол Андрей.

В начале XX века – Русско-японская война. Усиление революционной заразы. Проповеди святого батюшки Иоанна Кронштадского. Его противостояние учению Льва Толстого. Разнuzданность журналистики.

Первая мировая война. Большевики делают все, чтобы разложить армию, чтобы восстановить народ против царя, стараются внушить мысль о возможности построить рай на земле.

После Февральской революции – Октябрьский переворот. Заключение под стражу, затем расстрел царской семьи. Расстрел новомучеников Владимира Киевского и Вениамина Петроградского. Гонения на священство.

Всероссийский Собор, возвращение патриаршества в Россию. Священномученик патриарх Тихон. Его кончина. Всенародное горе.

Соловки – место мучений священников. Но оно далеко. А вот Бутовский полигон – место расстрела – совсем близко от Москвы. Там захоронения, это только представить, свыше трехсот человек, которые причислены к лику святых. Конечно, там обязательно надо бывать и молиться этим святым – нашим ангелам-хранителям, заступникам за многострадальное наше Отечество.

Отечественная война (1941–1945 гг.) с обезбоженной Европой. Война как милость Божия для возрождения церковной жизни в России. Даже и время хрущевских гонений не смогло противостоять воле народной – открыто исповедовать веру во Христа. Времена Хрущева называют «оттепелью». Смешно, какая оттепель, когда Хрущев обещал к 80-му году «показать по телевизору последнего попа».

Празднование 600-летия Куликовской битвы в 1980-м и Тысячелетия Крещения Руси в 1988 годах войдут в историю как незабываемые взлеты народного духа и единения во Христе.

Прославление сонма российских новомучеников, в том числе преподобномученицы Елисаветы и инокини Варвары, царственных страстотерпцев Николая, Александры, Алексия, Ольги, Татианы, Марии, Анастасии, святого праведного Иоанна Кронштадского, блаженной Ксении Петербургской, святой и праведной Матроны Московской, преподобного Андрея Рублева и многих-многих, в Отечестве нашем просиявших.

Мы должны сохранить и передать дальше, своим потомкам главный завет предков:
РУСЬ СВЯТАЯ, ХРАНИ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ!

Сейчас счастливое время возрождения святынь, крепнет вера Православная. Прошло время бесплодных попыток изгнать Бога из России. Россия – подножие Престола Царя Небесного, Россия – дом Пресвятой Богородицы.

Велика Россия, а вся умещается в сердце. У нас она одна, нет запасной родины. Нас любит Бог, будем и мы любить Его!

Про Настеньку и ее бабушку

А вот рассказ о девочке – Настеньке. В ее классе несколько девочек и мальчиков ходили в воскресную школу. Они говорили, как там интересно: и читают, и лепят, и сами шьют костюмы к Рождеству. Готовят концерт. К ним приходит батюшка, рассказывает о нашей православной вере. И Настеньке захотелось с ними.

Она целыми днями сидела с бабушкой. Родители на работе. Когда Настенька сказала, что будет ходить в воскресную школу, они стали переживать – дорога к храму идет через улицы, надо их переходить. А какое сейчас движение, прямо страшно, как несутся машины и мотоциклы. Да и люди могут быть разные, еще обидят. Особенно против была бабушка Света. Но Настенька очень просилась. И родители не возражали. Проблема была только в дороге. Бабушка Света так сильно любила Настеньку, что решила ее сопровождать. Но не сидела на занятиях, а ждала в коридоре. Вязала или читала газеты. Когда деточек вели в церковь, она с ними не ходила. Настенька по пути с занятий рассказывала бабушке, как там интересно.

– А ты почему не идешь в храм?

– Ой, Настенька, нас не приучали, говорили: Бога нет.

– Как нет? – изумлялась Настенька. – А откуда тогда все? Солнышко-то откуда?

– Ну, это астрономия.

– А астрономия откуда?

Однажды бабушка Света испекла пирожков и в перерыве занятий угостила внучку и ее друзей. Тут оказался и батюшка. Он, перекрестясь, попробовал стряпню, очень ее хвалил и спросил бабушку, а не согласилась ли бы она учить девочек кулинарному делу. Бабушка Света вначале застенялась, но и батюшка просил, и особенно Настенька.

И вот они шли в школу уже не как бабушка и внучка, а как ученица и преподавательница. Бабушка несла в школу переднички для девочек и белые платочки. Она волновалась больше внучки. Показала батюшке свои записи:

– Надо рассказать о том, как делается мука, как готовится тесто, какая разница между тестом дрожжевым и пресным, как делается тесто слоеное, а как...

– Светлана Сергеевна, – улыбнулся батюшка, – во всем этом вы понимаете больше меня. Я просто благословляю и жду приглашения на чаепитие. А что нужно для занятий, скажите.

Он перекрестил бабушку. А она даже еще и не умела складывать ладони для принятия благословения.

На Рождество Христово, после службы, было представление. Настенька была переодета в волхва, приносила Богомладенцу, как царю, золото. А почему была волхвом? Потому что в воскресной школе мальчиков хватило только на пастухов.

Потом было угощение. Пели все вместе Рождественский тропарь. Бабушка Света его не знала и просто слушала. А когда батюшка благословил праздничный стол и все крестились, то и бабушка Света тоже перекрестилась. И вначале рука ее поднялась с трудом, но зато потом стало так радостно! Да еще и стряпня ее учениц была такая вкусная, такая сладкая, такая ароматная! И она с гордостью говорила гостям:

– С капустной начинкой – это Ниночка. А с изюмом – Верочка. А рыбный пирог – это Анастасия!

А на Пасху Христову бабушка, раба Божия Фотиния, Света, причащалась вместе с Настенькой.

Вот так и сама Настенька, и любовь к ней привели бабушку Свету в Божий храм.

Протянутая рука

Дедушка и Славик шли по улице. Они шли покупать подарок на день рождения товарищу Славика. И на улице, и на остановке, и около перехода стояли или сидели люди, которые просили милостыню.

– Откуда берутся нищие? Почему их так много? – спросил Славик у дедушки.

– Больше всего от несчастий, – ответил дедушка. – Кто-то попал в тюрьму, вернулся, а уже и жить негде, и работать сил нет. Поневоле протянешь руку. Кто-то болеет, а лекарства дорогие, собирает на них. Есть и такие, что не могут удержаться от выпивки и просят вроде на хлеб, а покупают вино. Есть и нечестные. Пишут плакатик: помогите, мама умирает, сын при смерти, а это неправда. Но ведь есть и настоящие больные. Или: собирают на собачек, а сами собачкам дадут снотворное, те и спят и есть не просят. А проснутся – хозяин пьян и весел.

– Таким не надо подавать?

– Но как ты их различить, где в самом деле жалеют животных, собирают на корм для них, а где с их помощью собирают деньги для себя, как? – Дедушка вздохнул. – Все равно надо подавать, надо. У меня мама всегда говорила: вели, Господи, подать, не вели, Господи, принять. Тот, который подает милостыню, этим он душу спасает, как говорится, копит богатство на небесах. Бог же все видит. А тот, кто принимает милостыню, тот обязан молиться за того, кто ему подал. И, если не молится, то это для него большой грех.

– Он же моего имени не знает.

– А ты даешь монетку и скажи: помолитесь за раба Божия Вячеслава. Может, когда и за меня попросишь.

В магазине Славик сразу повел дедушку в отдел электронных игр. Придирчиво перебирал плоские разноцветные коробки. Наконец нашел такую игру, которой еще не знал.

– Дедушка, вот эта, да? Интересная!

Дедушка посмотрел на этикетку:

– Так и цена, Славик, интересная.

– Значит, не будем покупать?

Посмотрел дедушка в кошелек, подумал, вздохнул:

– Будем. Ты же сам говорил, что тебе Саша лучший друг?

– Да. Мы с детского сада.

Они купили игру и пошли обратно. Славик шел-шел и сказал:

– Дедуш, а лучше я эту игру себе оставляю, а ему другую подарю, у меня же много. Даже и две отдам, не жалко.

– Ну и внук у меня, – засмеялся дедушка. – Не жалко, потому что наигрался. А эта игра новая. Нет, ты именно ее ему подари. Я, когда увидел, сколько она стоит, тоже денег пожалел. А потом думаю: это и Славика радость, и Саше. Радость больше, чем деньги. Мы шли в магазин, говорили о милостыне. Для нищих она радость, но и для нас тоже радость – помочь человеку. И подарки – это тоже милостыня. Так что если тебе жалко дарить игру, то тем более надо подарить. Значит, подарок хороший. А те игры, которые тебе уже наскучили, унеси в школу и скажи: берите, кому надо.

Славик вздохнул. Поглядел на коробку с игрой, еще раз вздохнул. Вдруг впереди он увидел старика с палочкой. Старик не просил милостыни, но зачем-то же стоял на обочине. Славик подбежал к нему, что-то передал и что-то сказал. Старик улыбнулся, кивнул и Славика погладил по плечу.

– Знаешь, дедушка, что я ему сказал?

– Знаю.

Река Лобань

До чего же красива река Лобань! Просто как девочка-подросток играет и поет на перекатах. А то шлепает босиком по зелени травы, по желтизне песка, то по серебру лопухов мать-и-мачехи, а то прячется среди темных елей. Или притворится испуганной и жметесь к высокому обрыву. Но вот перестает играть и заботливо поит корни могучего соснового бора.

Давно сел и сижу на берегу, на бревнышке. Тихо сижу, греюсь предвечерним теплом. Наверное, и птицы, и рыбы думают обо мне, что это какая-то коряга, а коряги они не боятся. Старые деревья, упавшие в реку, мешают ей течь плавно, зато в их ветвях такое музыкальное журчание, такой тихий плавный звон, что прямо чуть не засыпаю. Слышу – к звону воды добавляется звоночек, звяканье колокольчика. А это, оказывается, подошла сзади корова и щиплет траву.

Корова входит в воду и долго пьет. Потом поднимает голову и стоит неподвижно, и смотрит на тот берег. Колокольчик ее умолкает. Конечно, он надоел ей за день, ей лучше послушать говор реки.

Из леса с того берега выходит к воде лосиха. Я замираю от счастья. Лосиха смотрит по сторонам, смотрит на наш берег, оглядывается. И к ней выбегает лосенок. Я перестаю дышать. Лосенок лезет к маминому молочку, но лосиха отталкивает его. Лосенок забегает с другого бока. Лосиха бедром и мордой подталкивает его к воде. Она после маминого молочка не очень ему нравится, он фыркает. Все-таки он немного пьет. Замечает корову. А корову, видно, кусает слепень, она встряхивает головой, колокольчик на шее брякает, лосенок пугается. А лосиха спокойно вытаскивает завязшие в иле ноги и уходит в кусты.

Начинается закат. Такая облитая светом чистая зелень, такое режущее глаза сверкание воды, такой тихий, холодеющий ветерок.

Ну и где же такая река Лобань? А вот возьму и не скажу. Она не выдумана, она есть. Я в ней купался. Я жил на ее берегах.

Ладно, для тех, кто не сделает ей ничего плохого, скажу. Только путь к Лобани очень длинный, и надо много сапогов сносить, пока дойдешь. Хотя можно и босиком.

Надо идти вверх и вверх по Волге – матери русских рек, потом будут ее дочки: сильная суровая Кама и ласковая Вятка, а в Вятку впадает похожая на Иордан река Кильмезь, а уже в Кильмезь – Лобань.

Вы поднимаетесь по ней, идете по золотым пескам, по серебристым лопухам мать-и-мачехи, через сосновые боры, через хвойные леса, вы слышите ветер в листьях берез и осин и вот выходите к тому бревнышку, на котором я сидел, и садитесь на него. Вот и все. Идти больше никуда не надо и незачем. Надо сидеть и ждать. И с той, близкой, стороны выйдет к воде лосиха с лосятами. А на этом берегу будет пастись корова с колокольчиком на шее.

И редкие птицы будут лететь по середине Лобани и будут забывать о своих делах, засмотревшись в ее зеркало. Ревнивые рыбы будут тревожить водную гладь, подпрыгивать, завидовать птицам и шлепаться обратно в чистую воду.

Все боли, все обиды и скорби, все мысли о плохом исчезнут навсегда в такие минуты. Только воздух и небо, только облака и солнышко, только вода в берегах, только родина во все стороны света, только счастье, что она такая – красивая, спокойная, добрая.

И вот такая течет по ней река Лобань.

Анютик

Нашему Анюту, милой нашей Анечке исполняется семь лет. Она перестала быть младенцем и становится отроковицей. Но она и в младенческом возрасте была такой умницей, такой рассудительной, что казалась старше своих лет. Когда выучилась читать и писать – никто и не заметил. Учили читать старшего братика, она сидела рядом на полу и играла. Это так нам казалось, а на самом деле она все на лету схватывала и запоминала. А еще она всегда удивляла нас своими высказываниями.

– Миленькая ты наша, – воскликнул однажды дедушка, – какая ты у нас умненькая.

– Так я же мозги-то включаю, – ответила Анечка и сказала дедушке, что он уже может ногами шаркать, так как уже старенький. И строго спросила: – А ты почему не учишь английский язык?

– Я уже, Анечка, старенький, мне уже поздно.

– Да, – рассудила Анечка, – язык выучишь, а сам помрешь.

На эту же тему она поговорила и с бабушкой Олей:

– Бабушка, я тебя люблю, вот жалко только, что ты скоро умрешь.

– Но мы же с тобой все равно встретимся, – успокоила бабушка. – Я тебя в вечной жизни буду ждать.

– Где встретимся? – спросила Анечка. – В раю?

– Это уж как заслужим.

Анечка всех нас любит. Конечно, маму, конечно, папу и, конечно, очень сильно любимую тетю Катю. И бабушек, которых у нее три, и дедушек, которых у нее два. И некоторых детей в старшей группе. Но сильнее всех у нее главная любовь – это старший братик. Младшего пока нет. Братика зовут Володя. Он тоже любит Анечку, поэтому они постоянно обижают друг друга. Когда начинаешь разбирать их ссоры, то видишь, что они оттого, что кто-то на кого-то долго не обращал внимания и пришлось это внимание к себе вызывать. А как? Или пихнуть в бок, или не дать игрушку, или не захотеть того, чего захотел другой. Он просит маму смотреть мультфильм, а вот я не хочу, хочу играть. А если он зовет играть, то я хочу смотреть фильм. Но все ссоры крохотны и забывчивы. Как же сердиться на братика, когда он самый красивый, всех лучше танцует, сочиняет и рассказывает истории, а сестричка – вообще ювелирное изделие. Такая драгоценность в любых нарядах. Переодеваться она любит. И есть во что переодеваться. Она выучилась этому вначале на своей бумажной кукле, которую тоже зовут Анечка. Так написано на коробке – домике куклы. У куклы множество нарядов: для вечера, для театра, для прогулки, для труда, для дома, для хождения в гости, для принятия гостей. Но у самой Анечки нарядов гораздо больше. Даже и не понять, куда столько.

– Как для чего? – удивляется Анечка. – Мы играем в наряды. Я трижды переодеваюсь, выхожу, мне ставят баллы. Потом еще трижды и трижды. А потом опять. Мне даже может не хватить. И сумочки нужны разные. С такой же в этом платье не пойдешь, так ведь? А с этой нормально, смотри.

– Володечка, – говорит дедушка, – ты же сказал о себе, что ты урожденный писатель. Вот и опиши, как Анечка переодевается.

– Это неинтересно, – говорит братик. – Вышла-покрутилась-ушла, вышла-покрутилась-ушла.

– А что интересно?

– Про Человека-паука и Карандаша и Самоделкина в Египте. Про черепашек.

– Но это уже описано без тебя, а про Анечку что тебе интересно написать?

– Как она зря маме на меня жалуется и как на танцах долго переодевается. А я так пить хочу, а бутылочку с водой мама Ане в сумку кладет, а не в мою. А я же в их раздевалку не пойду. Такой крик поднимут.

Уроки Володя делает старательно, но медленно и один их делать не любит и не хочет.

– Мама, – кричит он из комнаты на кухню, – сколько будет от ста отнять пятьдесят? Это легко, я знаю. Но ты тоже думай.

Пока братик делает уроки, Аня зовет дедушку в маленькую комнату:

– Я тебе покажу разноцветный цвет. – Она достает что-то наподобие факела, который начинает сиять разным цветом. Машет им и по кругу, и сверху вниз. – Как?

– Очаровательно!

– Нет, пока разочаровательно. Включи свет. Как ты насчет трюков?

– Положительно.

Анечка влезает на трапецию, начинает раскачиваться:

– Я больше Вовы занимаюсь. Я могу и сильнее раскачаться.

– Ой, не надо.

– А как ты насчет следующего трюка? – Анечка повисает вниз головой. – А как насчет долго висеть? Вишу, видишь?

– Вижу.

– Долго могу висеть. – Анечка возвращается в сидячее положение на трапеции, но слезать не собирается, объявляет: – Следующий трюк очень опасный. Ты упадешь в обморок. Хочешь?

– Нет, не надо!

Анечка окидывается назад, даже как бы падает, но повисает на подколенках и ведет репортаж о своих подвигах: – Дальше то же самое, но с раскачкой. – Раскачивается. – Могу долго. Сейчас из этого положения выскочка на канат. Как тебе?

– Бесподобно! Может, хватит?

– У меня еще последний трюк. Вот. – Анечка как-то очень опасно повисает. – Вот. Как выбраться? Не помогай. Может, ты будешь огорчен, но тебя будто нет. И некого звать. Вова в школе, папа на работе, мама в ванной. Как спастись? Ой, ой, трудно. Ой, сегодня не мой день. Не помогай! Вот так, так, так ногой за лестницу зацепиться, так подтянуться, так рукой ухватиться, и... снято!

Дедушка подхватывает Анечку и переводит дыхание. А она спрашивает:

– Отгадай, что в моей сумочке? Не отгадаешь. Смотри. – Она начинает выкладывать свое богатство на коврик: – Часы, другие часы, песочные. На одиннадцать секунд. Браслетики, помада от мороза, можно даже мальчикам, браслеты еще, бусы, кукла Аглая, резинки, резинки с сердечками. Фиолетовый браслет с бабочкой – красиво? Зеленые заколки, заколка «Белая роза». У тебя волосы тоненькие, не за что зацепиться, а то бы примерил. А это купальник, поедем к морю. А это, подержи в руках, самая красивая шкатулка бэби-мышь. Надеюсь, ты ее видел. Нравится? А этот кокошник видел? Примерить?

– Ну, ты прямо боярыня-государыня.

– Да. А вот брильянты, их у меня всего три. Все на ладони. Какого они цвета? Правильно, разного. А вот кристалл, смотри, какого цвета? Нет, не красного – алого. Все драгоценное, я с этим расставаться не хочу.

– Пойдем уже к братику.

– Надо же все сложить, надо же быть аккуратной.

Анечка складывает свое богатство, вздыхает как-то по-взрослому, подходит к окну, долго смотрит:

– Люди все идут и идут и не знают, что мне завтра семь лет.

Было дело под Полтавой

Первым, кого я встретил, ступив на поле Полтавской битвы, был священник. Мысль мгновенно мелькнула: как хорошо в таком святом месте первым делом получить благословение, и я рванулся к нему, привычно складывая ладони. И тут же меня отшатнуло – а вдруг он филаретовец? Но уже и батюшка делал шаг навстречу. Все-таки я спросил:

– Благословите, батюшка. А, вынужден спросить, какой вы юрисдикции?

– Той, что надо, – отвечал он, крестя меня и приветливо улыбаясь.

Надо ли говорить, что украинский раскол, начатый митрополитом Филаретом, явление не религиозное, а нравственное и даже политическое. Не будь его, разве б мыслимы были такие щиты с портретом изменника и надписями на них: «Мазепа – перемога української держави»? А плакаты были размером как щиты с рекламой пива.

Жовто-блакитные знамена подавляли все остальные. На втором месте были шведские, на третьем – российское трехцветие. Жупаны и папахи, длинные усы и лихие оселедцы, красные просторные шаровары, сапоги гармошкой – все раньше казалось бы каким-то костюмированным праздником. В общем-то, это и был праздник, и великий праздник – 300-летие Полтавской битвы, но сразу было понятно, что хозяева незалежной, незаможней, самостийной, щирою Украины присвоили его полностью себе. Да еще поделились со шведами, которых тут тогда побили, а сейчас они были тут дуже желанными. Сегодняшняя Украина присвоила себе не только территории Российской империи, но и ее прошлое. Героическая битва, которая спасла Россию, сейчас от России была насильственно отторгнута. Теперь получалось, что она не в России произошла, а за границей. Дюжие парубки, конечно, были ряжеными, но были не актерами тут, а заправилами. Они тут были хозяева. Нас, российскую делегацию, не то чтобы зажимали, нет, ставили в первые ряды, но как-то постоянно давали почувствовать, что мы здесь гости. Но хлеб-соль была так хороша, так красивы дивчины в венках, лентах и монистах, что это перебарывало горечь. Гремела бравая музыка, но почему-то эстрадная, а не, к примеру, марш Преображенского полка.

Все теперь умные, и некому сказать, что нет уже никакого толку от перемывания истлевших царских костей, особенно Петра I. Все власти черно-белые. То есть полный злодей – это сам сатана, а слугам и прислужникам своим он дает возможность для обольщения людей свершать еще и добрые дела. Ирод избил младенцев, и течет доселе водопровод Ирода, тот же Мазепа и храмы строил. Взять и Берию – о беспризорниках заботился. Все это к слову. Петр – явление, как и Сталин, промыслительное, и не нам, земнородным, понять их всецело. Достаточно сказать: «Бог всем судья».

Так вот, Полтавская битва – может быть, да и не может быть, а точно – главное свершение Петра. Здесь уместнее прибегнуть к цитатам из работ, вышедших в свое время к 200-летию Полтавской битвы. Победа в ней покончила с хозяином Европы Карлом XII, переменяла западный взгляд на нас, русских.

Далее выписка из книги «Храм во имя Сампсония Странноприимца на поле Полтавской битвы», издание 1895 г., Полтава: «Все теперь должны были переменить свой взгляд на «варварскую Московию», на ее царя гордые соседи стали смотреть с почтением, дорожили его дружбой и не смели оскорблять русского флага, который стал развеиваться на водах балтийских... Народ стал доверчивее относиться к своему Государю, примирился со всем, что раньше казалось ему тягостным, и уже безропотно смотрел на внутреннее преобразование, видя в нем причину недавней славы и необходимое условие будущего величия. Не забудем, наконец, и еще одного весьма важного последствия бранного дела под Полтавой. Ведь всего полвека прошло с тех пор, как Богдан Хмельницкий вырвал многострадальную Малороссию из рук Польши и присоединил ее к единой Москве. Значит, не успела еще Польша забыть

этой потери и поджидала только удобного случая, чтобы вернуть утерянное. Проиграй мы сражение под Полтавой, тогда бы не отстоять Юго-Западной России своей независимости, и воротились бы к ней те страшные времена унии, когда святые места наши отдавались в аренду жидам, и храмы православные запечатывались, и имущества церковные отбирались в пользу католического духовенства и прочее. Теперь же Польша не смела спорить с Петром, обессиленная еще раньше теми же шведами, она навсегда похоронила свои надежды на Малороссию... Полтавская победа принесла нам великие блага: она сразу и, даст Бог, навсегда сделала Россию могущественнейшим государством мира, государством единым и нераздельным. Недаром благодарные потомки назвали эту победу Русским Воскресением».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.